

Академия Полуночи

Автор:

Юлия Риа

Академия Полуночи

Юлия Риа

Волшебная академия (АСТ)

С самого детства я скрываю тайну. Если ее раскроют – меня убьют.
Единственный шанс выжить – спрятаться за стенами Академии Полуночи, пройти обучение и сбежать после выпуска. Но исполнить задуманное не так-то просто. Особенно, если в запутанный клубок надежд и страхов вплетается любовь.

Юлия Риа

Академия Полуночи

© Ю. Риа, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

Что важнее – честь рода или собственная жизнь? Ответ на этот вопрос я ищу последние одиннадцать лет. Пока безуспешно. Вот и сейчас, сидя на кровати и окидывая хмурым взглядом собранные сундуки, я пытаюсь решиться. Сказать? Не сказать?

– Недоделок, ты готова?

В комнату заглянула Мойра. Как всегда, с идеально уложенными черными волосами, в длинном платье с кружевным воротом и высокими манжетами. Все черное, разумеется. Только белая кожа да зеленые глаза выделяются яркими пятнами на темном фоне.

Старшая сестра взяла все лучшее от рода Мак-Мора и, без сомнения, знает об этом. Самоуверенность и надменность сквозят в каждой черточке ее внешности: в остром изломе бровей, в холодном прищуре глаз, в насмешливом изгибе полных губ.

Мне едва исполнилось шесть, когда я поняла, что никогда не буду такой, как Мойра. Помню, как стояла у зеркала, тоскливо разглядывая свою густую, но слишком светлую для рода Мак-Мора косу и голубые глаза. Уже тогда я чувствовала, что отличаюсь. Не только внешностью – сутью.

– Эй, я с кем разговариваю? – недовольно окликнула Мойра.

– Да, готова.

Я встала с кровати и поправила темно-синее платье. Сестра скользнула по нему взглядом и не сдержала презрительной усмешки. Еще бы! Мне, в отличие от нее, черные цвета носить не дозволялось. Не заслужила. Недостойна.

Я вздохнула и отвернулась к окну, притворившись, будто не заметила ее надменности. По ту сторону слюдяного стекла кружились широкие, почти круглые листья, сорванные ветром. С дерева на дерево перелетали вороны. Ветка старого тополя привычно царапала потемневшую от времени раму.

– Надеюсь, не надо напоминать, что в Академии Полуночи мы не должны общаться? Ты поедешь под именем рода кузины матушкиной тетки. – Мойра

зачем-то вновь затронула давно оговоренный вопрос.

Хотя не «зачем», а «ради чего» – лишний раз напомнить, какой я недоделок, раз даже матери стыдно отправлять меня в академию под именем истинного рода.

– Не надо, – ответила я, не переставая разглядывать ветку тополя.

Интересно, вон та трещина всегда была? Или только недавно появилась? Не помню.

– Тебе что, все равно? – не выдержала Мойра. – Эй, ты вообще меня слушаешь?

– Разумеется. Я ведь отвечаю.

Вздыхнув, я обернулась и встретила прищуренный взгляд сестры. Заметив спокойное, почти отрешенное выражение моего лица, она еще сильнее прищурилась и недовольно дернула носом.

– Недоделок! – презрительно выплюнула она. – Матери следовало отказаться от тебя сразу после проявления. Молчишь? Что ж, надеюсь, в академии ты будешь такой же молчаливой! Там даже смотреть в мою сторону не смей. Род Дельвар не ровня Мак-Морам, помни об этом.

Я безразлично пожала плечами – знала, мое спокойствие бесит Мойру больше всего. Вот и сейчас она раздраженно фыркнула, развернулась на каблуках и вышла.

Оставшись одна, я снова оглядела комнату, прощаясь с родной обстановкой, бросила короткий взгляд в окно. Подхватила дорожный саквояж, развернулась к выходу и едва не столкнулась нос к носу с влетевшей в комнату служанкой.

– Ой, – она поспешно склонила голову в положенном приветствии. – Прошу прощения. Ваша матушка просила не задерживаться. Экипаж уже подъехал.

Я кивнула и, обогнув застывшую каменным изваянием Ригге, вышла в общий коридор. Сохраняя отрешенное спокойствие, спустилась по главной лестнице на первый этаж и свернула в гостиную. Знала, мне, в отличие от Мойры, не стоило

ждать теплого прощания у родительской двери.

Лангария Мак-Мора величественно сидела по центру полуночно-синей софы. Спину при этом держала так прямо, точно головой подпирала небосвод и любое неосторожное движение могло обрушить его на головы подданных Лунной империи. Густые волосы цвета воронова крыла были собраны в элегантный пучок и украшены сапфировым гребнем. Декольте приталенного платья покрывало тончайшее, словно паутинка, черное кружево. Длинная юбка собиралась на коленях идеальными складками и тяжелым шелком спадала почти до самого пола, открывая лишь мыски лаковых туфель. Белоснежные, едва тронутые солнцем кисти рук покоились на чешуе домашнего питона, поблескивающей в свете масляных ламп. И оливкового цвета, в тон змее, искры отражались в глубине зеленых глаз восседающей на софе женщины.

На секунду я залюбовалась. Как тайно любовалась ею всегда, искренне считая, что Лангария Мак-Мора, моя мать, – самая красивая из Старших ведьм.

– Ты заставляешь себя ждать, – даже ее голос, мелодичный, тягучий, казался мне самым прекрасным из когда-либо услышанных.

– Прошу прощения, матушка.

– Лангария, – сухо поправила она.

Я мысленно застонала, ругая себя за то, что, залюбовавшись матерью, осмелилась нарушить семейное правило. Обращаться к Лангарии «матушка» дозволено только Мойре.

– Прошу прощения, – послушно повторила я.

– Не думаю, что твое появление здесь на зимних праздниках будет уместно, – так же сухо продолжила она. – Однако, если захочешь, я отправлю распоряжение Дельварам, и тебя примут там.

– Благодарю за заботу, но, полагаю, я вполне могу провести каникулы в академии.

– Верно, – легко согласилась Лангария. – Да и библиотека будет пустовать – идеальная возможность позаниматься самостоятельно. Даже такой слабый дар, как твой, следует развивать.

Я кивнула, всем видом выражая покорность и смирение. Мне не нужно видеть себя со стороны, чтобы убедиться в этом. За последние одиннадцать лет покорность и смирение стали моими основными эмоциями.

– Разрешите идти? – уточнила я и получила в ответ величественный, преисполненный достоинства кивок.

Сдержанно поклонившись, как того требуют правила для младшей дочери рода, я развернулась с намерением покинуть гостиную. Но меня остановил голос матери:

– Илэйн?

Обернувшись, я встретила внимательный взгляд зеленых глаз. Слишком внимательный.

– Да, Лангария.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Вместе с последним звуком, мягким и певучим, в голове всколыхнулся рой сомнений. Старый, знакомый. Одиннадцатилетний. Что важнее – честь рода или собственная жизнь?

Проявление – главный момент в жизни каждой ведьмы. По крайней мере, именно так говорила няня Агрена, чей облик уже давно стерся из памяти. Агрена ушла сразу же, как я достигла проявления – момента пробуждения силы. Собственно, няни только до него и оставались. Мне тогда едва исполнилось шесть, и это было самым ранним проявлением в нашем роду. Мойре шел девятый год, и уже целый год она жила без няни.

Проявление Мойры было мощным. Настолько, что даже солнце на несколько минут затянула ночная мгла. Мое же вышло до того слабым, что, если бы не

Агрена, оказавшаяся рядом, его бы никто и не заметил.

Для Лангарии Мак-Моры – одной из Старших ведьм Совета Ночи – слабое проявление дочери, пусть и младшей, оказалось невыносимым разочарованием. Думаю, именно в тот день ее любовь, раньше делившаяся между нами с Мойрой поровну, полностью сосредоточилась на старшей дочери. И чем больших высот достигала Мойра, тем большей неудачницей в глазах матери выглядела я.

Поначалу, помню, я всеми силами пыталась вернуть мамину любовь. Рвалась стать такой же, как Мойра, повторяла за ней все, вплоть до привычек в еде и манеры держаться... Но чем больше я старалась, тем меньше у меня получалось. А потом один день изменил все.

Не выдержав очередных насмешек Мойры, я убежала в раскинутый за помещьем сад. Злилась, рвала сизые маки, совсем недавно высаженные по приказу матушки, и размазывала горькие слезы по щекам. В какой-то момент, почувствовав, что сил плакать не осталось, я опустилась на траву и – как сейчас помню – растерянно уставилась на зажатый в руке мак. Помятый, потерявший часть лепестков, он вдруг начал выпрямляться и заново отращивать сорванные листья.

Я испуганно отшвырнула его, отодвинулась, как от проклятого артефакта, и несколько минут гипнотизировала цветок напряженным взглядом. Затем осторожно взяла другой, сжала его в руке... и тут же отбросила, с ужасом наблюдая, как надломленный стебелек восстановил целостность, зашевелился, точно мамин питон, и врос в землю.

Моя сила созидала – ошибиться было невозможно. Однако род Мак-Моров, как и все дома Лунной империи, принадлежал к темным ведьмам. И созидание не было их природой... в отличие от светлых чародеев.

Но разве такое возможно? Разве может у темных родиться светлая? И какая судьба ждет ее в Лунной империи?

Слишком серьезные вопросы для шестилетней неумехи, какой я была тогда. Побоявшись еще больше разочаровать матушку, я умолчала о сделанном открытии и отправилась за ответами в домашнюю библиотеку. Бесчисленные трактаты по заклинаниям, ритуалам, способам призыва, проклятиям; записи

нескольких поколений ведьм и колдунов рода Мак-Мора... Информацию приходилось собирать по крупицам, выживая меж строк.

Моим поискам не препятствовали. Еще бы! Никто ведь и не подозревал об их природе. Всем казалось, Недоделок пытается развить те крохи силы, что отмерила ей Полночная Матерь – покровительница всех темных.

Наконец, спустя полгода, я узнала все, что могла. И тогда-то задала себе самый важный вопрос, который продолжаю задавать последние одиннадцать лет. Что важнее – честь рода или собственная жизнь?

Если о природе моей силы узнают – меня убьют. Если я попытаюсь сбежать, чтобы спастись, на род Мак-Мора падет сначала подозрение, а потом и несмываемый позор – ведь рано или поздно ищейки прознают о причинах моего побега. Мой единственный шанс выжить – пройти обучение в Академии Полночи. От момента выпуска и до момента проведения обряда принятия все молодые ведьмы считаются безродными. Только так я могу спастись, не уничтожив честь рода Мак-Мора.

Но есть еще кое-что, преследующее меня в ночных кошмарах. Если правда о моей силе всплывет, пока я буду обучаться в Академии Полночи, меня ждет обряд изгнания сути. Он уничтожит не только мое тело, но и бессмертную часть моей силы. Лишит возможности переродиться. Вырвет меня из полотна жизни и времени – а это участь пострашнее смерти.

– Нет, Лангария, мне нечего вам сказать, – отозвалась я с почтением, проглотив поселившуюся на языке горечь. – Разрешите идти? Ригге сказала, экипаж ждет.

– Иди, Илэйн. Надеюсь, после обряда принятия ты вернешься в род Мак-Мора полноправной ведьмой. Стань достойной, не опозорь наше великое имя!

Я поклонилась, принимая наставление, а когда выпрямилась, задержала на матушке взгляд чуть дольше, чем позволяли правила. Увижу ли я ее снова? Или это наш последний разговор?

– Берегите себя, – прошептала я одними губами и покинула гостиную, чтобы затем покинуть родительский дом.

Не оборачиваясь, не позволяя себе остановиться даже на секунду, я забралась в экипаж и задернула темно-бордовую шторку. Лишь когда повозка с мягким рывком тронулась, шурша колесами по мелкому гравию подъездной дорожки, я не сдержалась и бросила прощальный взгляд на родовое поместье. Массивное, сложенное из темно-серого камня, со стрельчатыми окнами, аркбутанами и горгульями, которые, если верить семейным легендам, оберегают наш род... Я знаю каждый угол, каждый потайной коридор и закуток в этом доме. Я люблю его. И я буду скучать.

Экипаж увозил меня все дальше, мерно покачиваясь по дороге. Сквозь приоткрытое окно ветер доносил громкие команды кучера, правившего лошадьми, и пряный, чуть кисловатый аромат преющей осенней листвы. Прикрыв глаза, я откинулась на обитую бархатом спинку сиденья и под мерный перестук копыт задремала.

Глава 2

Вокруг было слишком шумно. Появившиеся будто из ниоткуда слуги споро разгружали экипаж и переносили сундуки в выделенную мне комнату. Сундуки... всего два, а звучит так, будто у меня, как у Мойры в свое время, их не меньше дюжины.

Не желая оставаться в центре бурлящего хаоса, я отошла левее и, вздохнув, посмотрела вверх. На шпиле главной башни академии в окружении россыпи мелких звезд сиял полумесяц. Огромный, точно улыбка Полночной Матери, и такой же прекрасный. Символ моего уничтожения, если мне не удастся сохранить секрет.

– Илэйн Дельвар? – сбоку возник тощий парень с большими круглыми очками на кривоватом носу.

– Верно, – певуче, стараясь подражать тону матушки, отозвалась я. – Какая комната мне выделена?

– Двести сорок шестая, на восьмом этаже.

На восьмом?! Насколько же низок род Дельвар, раз его членов селят в башни?

Поблагодарив помощника за информацию, я нырнула под стрельчатые своды академии. Игнорируя людской поток, его шум и мельтешение послушников-лернатов, добралась до лестницы и уверенно преодолела два этажа. Потом дыхание сбилось.

Я хмуро глянула сквозь винтовые пролеты вверх. Ажурные, точно из кружева, а не металла, перила уходили по спирали, становясь все меньше, пока не исчезали, превращаясь в точку. Недовольно поджав губы, я продолжила вскарабкиваться наверх.

Третий этаж. Пятый. Седьмой. Восьмой.

К концу подъема сердце билось в груди перепуганной птицей, быстро и нервно, дыхание стало частым. Пальцы на перилах сжались так, будто их свела судорога. Заставив себя расслабить ладонь, я шагнула к темному прямоугольнику двери с латунными цифрами «246». Несмело повернула ручку и переступила порог.

Помещение было маленьким, если не сказать крошечным. Вытянутое стрельчатое окно на противоположной от входа стене, стол со стулом, узкая кровать с резными столбиками. Напротив – книжная полка, пока пустая, комод, кувшин с тазом для умывания и зеркало над ними. Слева от двери замерли два моих сундука.

Увидев их, я вскинула брови. Интересно, как слуги умудрились забраться на такую высоту вперед меня, да еще с тяжелым грузом?

Размышляя над этим, я пересекла комнату и остановилась у стола. На нем, придавливая сложенные вдвое листы, лежал кулон из лунного камня. Простой, но изящный: в форме слезы, отливающей голубым, на тонкой цепочке из черного серебра, он понравился мне сразу. Однако я не спешила радоваться находке. Вместо этого выудила из-под него плотные желтоватые листы и, развернув, принялась читать.

Сэла Илэйн Дельвар!

От лица директора артиэллы Алиры Мак-Фордин мы рады приветствовать вас в стенах Академии Полночи. С удовольствием сообщаем, что академия дарит вам Путеводный свет, в который заложена карта всех прилегающих к академии территорий, а также расположение классов и административных помещений. Для активации необходимо послать мысленную команду пятого уровня и задать желаемую точку назначения. Кроме того, прилагаем список учебных материй и расписание на ближайшие три луны. Настоятельно советуем ознакомиться с документами. Отдельно напоминаем о недопустимости использования любых проклятий старше четвертого уровня в стенах академии. Нарушитель данного правила будет исключен незамедлительно.

С пожеланиями темнейшей ночи,

писчий артиэллы Алиры Мак-Фордин сэл Гордин Руага

Пальцы заметно подрагивали, когда я разворачивала приложенные документы. А стоило пробежаться по ним взглядом, как самообладание окончательно меня покинуло.

С каждой прочитанной строчкой ворот платья давил все сильнее, буквально душил. Не выдержав, я расстегнула верхнюю пуговицу и, распахнув узкое, состоящее из алебастровых стеклянных квадратов окно, вдохнула полной грудью. Стараясь вернуть душевный покой, я позволила себе вольность – отложила бумаги и бесстыдно, точно безродная девчонка, принялась глазеть из окна, едва ли не высовываясь наружу.

Увидела бы это Лангария, поджала бы губы – матушка всегда так делала в минуты высочайшего неодобрения. Но сейчас ее не было рядом, и я, не таясь, наслаждалась беспокойным ветром. Он врезался в башенные стены, с недовольным стоном отлетал и нападал снова, будто надеясь сломить каменную твердыню.

Далеко внизу виднелся парк с уже подернутыми золотом кронами. Осень в этом году пришла рано, словно природе не терпелось поскорее сбросить листья, укрыться тяжелым снежным одеялом и заснуть. Спать под тяжелыми одеялами приятно – я помню это. До шести лет и у меня было такое, а после проявления Недоделку оставили лишь тонкий вязаный плед. Думаю, Лангария втайне

надеялась, что одна из холодных зим заберет меня, но Полночная Мать решила иначе. Однако в матушкином воспитании есть и плюсы: теперь мне не страшны башенные сквозняки. Закаленная, я могу выдержать почти любые холода.

Вернув душевное спокойствие, я снова взяла со стола листы и продолжила чтение. Расстегнутый воротник больше не душил, да и открытое окно впускало в комнатку достаточно воздуха. Однако я все равно задышала чаще, пробегая взглядом по ровным строчкам с кокетливыми завитушками.

Большая часть учебного плана отдавалась под изучение нейтральных материй. Но оставшаяся целиком и полностью посвящалась темной магии – истинной силе детей Лунной империи. Силе, которая волей Полночной Матери мне недоступна. И если об этом узнают, если выяснят причины...

Воздуха вновь перестало хватать.

С шорохом листов я опустила письмо на стол и, прикрыв веки, сконцентрировалась на дыхании. С него внимание, точно свечной дым, вильнуло к доносившимся с улицы запахам и звукам. Услышав протяжный, тяжелый звон, я поморщилась.

Колокол. И, судя по всему, огромный.

Взяв третий лист, на котором все тем же кокетливым почерком было выведено расписание, я увидела:

12:30–13:30 – обед в главном зале Корпуса Ораха.

Мойра особо не распространялась о территории академии, и уж точно она не говорила о корпусах, будь то Корпус Ораха или какой другой. Вздохнув, я подцепила тонкую цепочку с лунным камнем, покатила звенья между подушечками пальцев, ощущая их ребристость, и попробовала отыскать замочек. Однако, как оказалось, Путеводный свет висел на замкнутом круге.

Пожав плечами, я накинула цепочку через голову и вздрогнула, едва ощутив тяжелый, гнетущий шлейф темной магии.

«Главный зал Корпуса Ораха», – выдавила мысленно.

Поймав команду, кристалл успокоился. Я же с облегчением выдохнула. Правда, ненадолго. Не прошло и нескольких секунд, как, полыхнув лунным светом, камень нагрелся. Причем с правой стороны сильнее, чем с левой.

Я вышла из комнаты. На ходу застегнула ворот в попытках вернуть себе достойный вид и вновь зашагала по лестнице. Только на этот раз – вниз.

Стук каблуков о широкие ступени разносился приглушенным эхом. Ритмичный, он постепенно заполнял не только окружающее меня пространство, но и мое естество. Мысли и те, казалось, зазвучали с ним в такт.

Я думала о магии. О том, что, родись я нормальной – с темной силой, как и положено дочери рода Мак-Мора, – могла бы со временем овладеть заклинанием переноса. А может, даже когда-нибудь получила бы метлу. Хотя нарисовать перед мысленным взором настолько смелые фантазии у меня не получалось.

Метлы – они ведь уникальны, каждая по-своему. И в каждой заключена душа умершей ведьмы. Никто до сих пор не выяснил, как или почему это происходит: некоторые души просто не возвращаются в полотно Полночной Матери, а вселяются в значимые для ведьм предметы.

Метла – зеркало заключенной в ней души. Привязать к себе метлу силой невозможно, равно как и забрать чужую. Для любой ведьмы это вызов, приручение. Это признание ее достойной. Вот только меня достойной уж точно не назовешь.

Погруженная в мысли, я миновала уже почти шесть этажей. Смотрела только под ноги, боясь оступиться. Внезапный удар, ощутимо сильный, грубо вернул меня в реальность и заставил вскрикнуть от боли.

– Тебе что, взор светом заволочло?! – раздался недовольный мужской голос над головой.

Я отступила, потирая ушибленный нос, и подняла взгляд на незнакомца.

Он был красив. С удивительными темно-синими, словно полуночное небо, глазами, прямым носом, густыми черными волосами, прядь которых выбилась из общего порядка и, дразня, упала на высокий лоб. Кончики пальцев закололо от желания коснуться ее, но я сдержала неуместный порыв. Сжала кулаки и отступила еще на шаг.

Я знала, кто передо мной – Арден Шантар. Наследник сильнейшего рода колдунов Лунной империи. Жених Мойры.

Глава 3

Узнавание случилось в секунду. И, что хуже всего, Арден понял, что я догадалась о его личности. Красивые губы изогнулись в презрении, синие глаза сощурились.

Я же, не давая ему вставить и слова, спешно выдохнула:

– Прошу прощения, – в моем голосе привычно зазвучали уважение и легкая отстраненность. – Полуночная Матерь свидетель, я не желала случившегося.

Черные брови нахмурились, взгляд колдуна стал цепким.

– И кто же...

Новый удар колокола, низкой волной прокатившийся по академии, спас меня от необходимости вступать в диалог. Быстро пробормотав слова извинения, я прошмыгнула мимо Ардена и побежала вниз по лестнице. Стук каблуков казался оглушающим, длинная юбка вмиг стала неудобной, узкий ворот вновь принялся душить. Но я не остановилась – так и продолжила бежать, следуя направлениям Путеводного света. Длинные коридоры, ряды колонн,

устремившиеся ввысь стрельчатые потолки, лепнина, огромные медальоны с изображениями звезд – я едва успевала отмечать особенности каждого зала и перехода.

Совсем скоро меня окружил плотный поток лернатов и разноцветной рекой – черных, синих, зеленых и серых оттенков – понес в нужную сторону. Я не сопротивлялась – напротив, расслабилась и позволила академической жизни захлестнуть меня.

Однако путешествие оказалось недолгим. Нырнув сквозь высокие, украшенные тонкой резьбой двери, людская волна разбилась о десятки столов и ручейками потекла к линии раздачи. Присоединившись к одному из них, я прошла к изогнутой полукругом мраморной стойке. За ней работало пятеро юношей и девушек, все в белых передниках и доходящих до локтя нарукавниках.

– Цвет? – остроногая девушка прищурилась, разглядывая мои пальцы.

На мгновение я растерялась. Потом решила признаться честно:

– Не знаю. Новенькая.

Девушка недовольно поджала губы – гораздо более жеманно и криво, нежели это делала Лангария – и крикнула через плечо:

– Раэль, списки у тебя?

На голос из соседнего помещения вынырнул парень. Долговязый, веснушчатый, рыжеволосый. Невольно я прониклась сочувствием – сложно представить, каково живется таким «солнечным» людям в Лунной империи.

– Да, – прошелестел он.

– Тогда занимайся, – девица манерно дернула плечом и отошла к другому лернату.

Раэль же бросил на меня внимательный взгляд из-под рыжих ресниц.

– Имя?

– Илэйн Дельвар.

Тонкий кривоватый палец заскользил вдоль исписанных страниц, пока наконец не остановился. Раэль вздохнул.

– Серая, – сочувственно констатировал он.

Мойра не рассказывала мне о цветовом делении, я сама о нем узнала, наткнувшись случайно в одной из книг. Элита Академии Полуночи – черные. Именно их дар, темный как ночь, дает им право носить кольца с большим черным нефритом. Следующий уровень – по силе и влиянию – синие, или «сапфировые». За ними идут «изумрудные». А в самом конце – мы, серые, «халцедоновые».

– На все воля Полуночной Матери, – я попыталась улыбнуться.

Раэль выдавил такую же вымученную улыбку в ответ. Потом выдал мне две нутовые лепешки, порцию тушеного мяса с овощами и разбавленное водой вино. Сильно разбавленное, судя по цвету.

– Серые едят у прохода, – поделился он и, стоило мне ухватиться за поднос и сделать шаг в сторону, спешно добавил: – Не затягивай с получением кольца. И постарайся не носить... чужие цвета.

Раэль говорил о моем платье. Темно-синее, в доме матушки оно всегда казалось мне слишком светлым. Да и, уверена, не только мне. Здесь же меня посчитали недостойной даже его.

Кивком дав понять, что совет услышала, я зашагала к дальним столам. Заняла один из них и, не глядя по сторонам, принялась за обед. Удивительно, но общий гул не мешал, он воспринимался отстраненно – как шум океана на побережье. Я хорошо помню этот звук, хоть и слышала его в последний раз одиннадцать лет назад.

Громкий смех, раздавшийся совсем близко, заставил меня вскинуть голову и проводить взглядом сестру в окружении подруг. На секунду грудь кольнуло сожалением – пусть мы с Мойрой не особо ладили, все же она моя сестра. И необходимость притворяться едва ли не незнакомками меня печалила. Но так надо. Если о слабой дочери рода Мак-Мора узнают другие семьи, это поставит под удар не только меня – весь наш род, будущее Мойры.

Боясь выдать собственную привязанность взглядом, я отвернулась. Без особого интереса посмотрела по сторонам и замерла, заметив внимательно смотрящего на меня колдуна. Не Ардена – другого. Этого я точно не знаю, даже по слухам. А в том, что слухи о нем должны ходить, сомнений нет.

Черный форменный китель с серебряными пуговицами, небрежно забранные назад волосы цвета горького шоколада, глубокие зеленые глаза – колдун был красив. Не так, как Арден, но все же достаточно, чтобы заинтересовать многие ведьминские дома. А поблескивающий камень черного нефрита в перстне на указательном пальце и вовсе делал незнакомца завидным женихом.

Я глянула по сторонам, удивляясь, как сразу не заметила этого – все сидящие неподалеку девушки жестами или лукавыми взглядами из-под ресниц пытались обратить его взор на себя. Вот только незнакомец, казалось, не замечал их вовсе. Все его внимание было сосредоточено на мне. И от столь пристального взгляда становилось страшно – ведь у сильного колдуна нет ни единой причины интересоваться слабой ведьмой.

Есть, практически уткнувшись носом в тарелку, словно невоспитанная мэла, было стыдно. Но давящий взгляд незнакомца, глумливые шепотки девушек-лернат и собственная нервозность не давали распрямить спину. Быстро покончив с обедом – пожалуй, даже слишком быстро для дочери рода Мак-Мора, – я покинула зал.

Щеки горели, будто на каждой лежало по нагретой солнцем монете. Высокий ворот платья в третий раз за последний час показался нестерпимо узким. Однако я все равно нашла в себе силы держаться так, словно не испытывала неудобства. Лишь когда шумный зал остался за спиной, а сама я удалилась от него на два коридора, позволила себе остановиться и перевести дух.

Солнечный свет свободно проникал сквозь высокие окна. Он стелился по полу теплыми дорожками, игриво переплетался с нырнувшими через витражи лучами и наполнял пространство жизнью. Стены заиграли красками, пляшущие в воздухе пылинки стали походить на крохотные звезды, а во взглядах ведьм и колдунов, замерших на гобеленах, мне чудились улыбки.

Постепенно спокойствие окружающего мира передалось и мне. Дыхание выровнялось, щеки перестало жечь румянцем. И лишь на задворках сознания еще неостывшими углями тлел стыд за собственную эмоциональность. Матушка бы не одобрила такого поведения. Умеющая держать лицо в любой ситуации, она требовала того же и от нас.

Воскресив перед мысленным взором образ Лангари, я вздохнула. Она была бы права. Я с самого начала знала, на что шла, и бояться теперь поздно. Моя жизнь принадлежит академии, нить моей судьбы – на кончиках спиц Полуночной Матери. Раз решившись, не стоит оглядываться – тогда и не споткнешься.

Как легко бравые слова звучат в голове и как трудно облечь их в звуки, заставить собственные губы разомкнуться и произнести хотя бы короткое «не страшно»... потому что страшно. Несмотря на принятое решение, на осознание, что иного выбора не было, – все равно страшно. Но и со страхом можно бороться.

Расправив плечи, я послала мысленный приказ Путеводному свету и зашагала к кэллеру. Вопросы, как и проблемы, лучше решать по мере их возникновения. И для начала стоит получить халцедоновое кольцо.

Кэллер, ответственный за выдачу лернатам артефактов, оказался сед как лунь. Широкий лоб изрезали глубокие морщины, огромный нос нависал надо ртом острым крючком, серые глаза казались выцветшими, будто старые чернила. Но смотрел на меня кэллер внимательно, цепко.

– Новая лерната, – голос у него оказался неожиданно приятный. Чуть скрипучий, но не противно, а наоборот – удивительно успокаивающе.

– Яркой вам луны, – произнесла я с полуулыбкой.

– За кольцом? Камень знаешь?

– Халцедон.

– Ишь, даже не кривишься, – усмехнулся кэллер в густые усы, такие же белые, как его макушка.

Поманил меня, чтобы шла следом, и двинулся вглубь небольшой комнатки, заставленной стеллажами. На полках ровными шеренгами замерли коробки, футляры и мерцающие желтоватым светом шары из полупрозрачного стекла.

– Что, и не печалишься? – старик обернулся и одарил меня хитрой улыбкой.

– Не каждому ростку дано превратиться в цветок, – я пожала плечами, а кэллер вновь усмехнулся.

Дошел до стеллажа, выкрашенного в серый, снял с него большую корзину с плетеной крышкой. Отодвинул ее совсем немного – так, чтобы не показывать содержимого, – и распорядился:

– Запускай руку. Твоя сила сама выберет кольцо.

– Моя сила? – голос едва не выдал охвативший меня испуг. Но я справилась, сдержалась. Лишь чуть больше, чем следовало, выказала удивление.

– Так халцедоны же разные, дуреха, – по-доброму хмыкнул в усы кэллер. – Если не совсем ты пропащая, то вытянешь темно-серый. А если твой росточек слаб, придется носить на пальце дымчатый камень. Ну давай, не тяни, – поторопил он. – Корзина-то не из легких.

На сердце колючей стужей напал страх – мой старый знакомый. Он всегда появляется, стоит только кому-нибудь заговорить о моей силе. Даже вскользь. Вот и сейчас он привычно раззявил голодную пасть в оскале. Только на этот раз я не собиралась его подкармливать.

Одним быстрым движением, не давая себе засомневаться, запустила руку под плетеную крышку. Провела ладонью над сваленными в кучу артефактами, ощутила исходящую от них силу. Холодную, колючую и до того отталкивающую, что прикасаться к ней не хотелось. Но я не сдавалась. Продолжала медленно

скользить пальцами в воздухе, прислушиваясь к собственным ощущениям, и искала. Наконец, когда кэллер начал нетерпеливо побряхтывать, я ощутила тонкий, едва уловимый теплый ручеек. Не думая, потянулась к нему и сомкнула пальцы на плотном кругляше.

– Готово, – выдохнула я, распахивая веки.

– Ну, показывай, что там у тебя, – вернув корзину на место, кэллер с любопытством осмотрел кольцо, лежащее на моей ладони. – Э-хе-хе, – покачал он головой, – ты ведь даже не росток, милая, так – крохотное семечко. Трудно тебе придется в академии, ох трудно...

Махнув рукой, старик указал мне на выход, и я, поняв намек, покинула хранилище артефактов. На моей ладони по-прежнему лежало кольцо с большим овальным камнем молочно-белого цвета.

Глава 4

Возвращаясь от кэллера, я старалась держаться подальше от шумной толпы. Обед давно закончился, и сейчас лернаты наслаждались последним свободным от занятий днем. Теплая погода выгнала многих юношей и девушек в парк. Более чинные сидели на лавочках с изящными коваными спинками; те же, для кого правила приличия казались надуманной чепухой – в основном безродные мэлы, – уселись на траве. Все разбились на небольшие группки, в каждой из которых цвета колец непременно совпадали.

Несколько раз я ловила на себе внимательные взгляды сапфировых, а после – едва они замечали белое кольцо на моем пальце – их лица перекашивало от недовольства. В какой-то момент даже мелькнула постыдная мысль снять артефакт и не надевать его, пока не сменю платье, но я не позволила себе поддаться малодушию. Дочери Лангарии не пристало бегать от трудностей!

И все же я немного прикрыла кольцо ладонью, сцепив руки в смиренном жесте и опустив их поверх юбки. От трудностей сбегать я не собираюсь, но и сознательно их провоцировать тоже не стану.

Дойдя до подножия лестницы, я остановилась и хмуро посмотрела вверх. Раньше я особо не задумывалась, но артиэллы всегда занимают второй – реже третий – этаж. Будучи по рождению высокородной артиэллой, я не привыкла преодолевать столько ступеней зараз. Однако выбора нет.

Вздыхнув и на секунду поджав губы, я решительно зашагала вверх. Новый подъем показался тяжелее первого. Видимо, тело еще слишком хорошо помнило недавние нагрузки и совсем не жаждало их повторения. Я едва преодолела два этажа, как в боку закололо, вынуждая остановиться. Позволив себе почти минуту отдыха, я уже хотела было продолжить путь, но услышала раздавшийся за спиной голос.

– Снова лестница и снова ты. Так жаждала новой встречи, что специально караулила?

Обернувшись, я встретилась взглядом с Арденом Шантаром. В синих глазах плескалась насмешка, губы замерли в надменной ухмылке. Всем своим видом колдун демонстрировал превосходство, но не думаю, что делал это сознательно. Скорее, помня о положении его рода, я поверю, что для Ардена такое выражение лица настолько же естественно, насколько для моего – смирение. Все мы, так или иначе, носим отпечатки занимаемого положения: и в обществе, и в жизни.

– Прошу прощения, артиэлл, – я почтительно склонила голову, как и подобает сэле в присутствии высокородного.

Однако в нашей ситуации это вышло комично: я стояла на три ступеньки выше и даже со склоненной головой смотрела на Ардена сверху вниз. Его, однако, подобное положение не беспокоило. Скорее, он даже находил его забавным.

– Так ты ждала меня?

– Что? – я на мгновение растерялась, но уже в следующую секунду взяла себя в руки. – Нет, арти...

– И не искала со мной встречи?

– Зачем бы? – удивилась я искренне.

Арден не ответил. Молча разглядывал меня, изучая и будто что-то прикидывая в уме. Лицо его приобрело слегка задумчивое выражение. А спустя полную минуту, когда я уже мысленно искала достойный повод, чтобы прекратить беседу первой, внезапно спросил:

– В какой комнате ты живешь?

И снова я растерялась. Вопросы Ардена сбивали с толку, я не понимала его интереса, не понимала мотивов, которыми он руководствуется, и потому не успевала правильно реагировать.

– Ладно, скромница, – хмыкнул колдун, не дождавшись ответа. – Тогда какой этаж? Ты не артиэлла – на обед ты спускалась сверху, – принялся рассуждать он. – Но для мэлы ты слишком хорошо воспитана. Значит, сэла. Не из новых, – добавил быстро. – Думаю, когда-то знатный, но обнищавший род. Итак, куда же могли поселить гордую, но бедную сэлу?

Я продолжала молчать, не собираясь потакать любопытству колдуна.

– Пятый этаж? Шестой? Седьмой? – перечислял он, явно входя в азарт. – Пусть будет седьмой. Выше селят совсем уж низкородных, а у них нет твоей стати. Что, молчунья, я угадал?

Я вновь не ответила. Так и смотрела в синие глаза Ардена, стараясь не поддаваться врожденному обаянию Шантаров. Точнее, сама я в этом мало смыслю, но Мойра всегда говорила, что у Ардена обаяние в крови.

– Любопытно, – заключил он, растягивая губы в улыбке.

Я не смогла подобрать ей определения: не лукавая, не насмешливая, не приветливая. Пожалуй, самым близким вариантом было бы – опасная.

– Обычно сложно заставить девушку замолчать, а вот чтобы из нее приходилось вытягивать слова – такого я еще не встречал.

– Прошу прощения, артиэлл, если моя немногословность вас оскорбила. Полуночная Матерь свидетель, я не желала...

– Да-да, ты не желала случившегося. Ты сегодня это уже говорила. А вот чего ты не говорила, так это своего имени. Как тебя зовут? Что, опять будешь молчать? Брось.

Во взгляде Ардена читался интерес, и в этом мне тоже чудилась опасность. Надо уйти, сбежать, придумать уважительный повод и прервать эту странную беседу – все мои чувства кричали об этом. Нервы натянулись, точно струны виолончели. Казалось, коснись их, и в воздухе низкой вибрацией разойдется звук.

– Давай поступим вот как: ты назовешь мне свое имя, а я открою тебе переход на седьмой этаж, – Арден чуть склонил голову к плечу, разглядывая меня, словно сокол беззащитную куропатку.

От этого движения на высокий лоб, совсем как в нашу первую встречу, вновь упала непослушная прядь. И, совсем как тогда, мне захотелось ее коснуться. Я одернула себя, удивляясь столь неуместному желанию, а после, едва осознала услышанное, с трудом сдержалась, чтобы не вытаращиться на колдуна, как деревенская мэла на ярмарочного фокусника.

Арден Шантар владеет заклинанием переноса? Насколько же силен его дар?

Однако я не успела задать этот вопрос. Заслышав голоса, глянула поверх мужского плеча и внутренне похолодела. По лестнице, в окружении все тех же подруг, что и за обедом, поднималась Мойра.

Мысли заметались, словно ласточки перед грозой. В груди птичьим криком зазвучало беспокойство. Вот только не за себя – за сестру. Я не хотела, чтобы Мойра увидела меня рядом с Арденом, чтобы поняла все неправильно и переживала.

Быстро, едва ли не скороговоркой, пробормотав: «Прошу простить мою дерзость, артиэлл, но мне пора», я перепуганной птицей взлетела по ступеням. Пальцы, придерживающие юбку платья, подрагивали, сердце гулко билось о ребра. Каблуки туфель не касались ступеней, и потому бег получился почти

неслышным.

Я миновала третий этаж и практически добралась до четвертого, как внезапно, прямо на моем пути, открылся переход, из которого мне навстречу шагнул Арден. Не успев остановиться, я с размаху в него врезалась. Тихо вскрикнула, отпрянула и едва не оступилась на лестнице, но сильные руки ухватили меня за талию и удержали от падения.

Я подняла взгляд, желая... Не знаю точно, чего именно я желала. Поблагодарить, что не дал упасть? Спросить, зачем последовал за мной? Потребовать оставить меня в покое? Но все слова застряли в горле, стоило мне увидеть прищуренные, горящие недовольством синие глаза.

– У тебя есть всего два варианта, молчунья: либо ты называешь мне свой этаж и мы переносимся туда, либо ведем нашу милую беседу здесь, – голос Ардена звучал сухо, резко. И сейчас опасность в нем мне уже не чудилась – она звучала до того ясно, что сомнений не осталось: лучше послушаться и сделать выбор самой, чем доверить это право колдуну.

– С-седьмой, – сдавленно выдохнула я и зажмурилась, едва под нашими ногами открылся переход.

Ощущение падения, чувство щекотки в животе, горячие руки, прижимающие меня к сильному телу, – я успела прочувствовать все. А спустя два гулких удара сердца, когда я набралась смелости открыть глаза, поняла, что переход закончился. Мы стояли в коридоре седьмого этажа, по счастью, пустующего в это время дня.

Однако радоваться было рано. Арден никуда не делся, а его руки по-прежнему покоились на моей талии. И последнее меня не устраивало особенно.

Сделав большой шаг назад, я разорвала прикосновение.

– Почему ты сбежала? – требовательно спросил он, сверля меня хмурым взглядом.

Я могла бы заартачиться, могла бы потупить взор и вновь притвориться немой, могла бы упасть в обморок – а после перехода такое поведение выглядело бы естественно, – но я решила покончить с неуместным интересом колдуна здесь и сейчас.

– Потому что устала отвечать на странные вопросы, – произнесла твердо. Нет, я не дерзила, но и привычного смирения в моем голосе не прозвучало.

– А вот и нет, маленькая врушка, – Арден дернул уголком рта в усмешке. – Ты сбежала не от меня. Точнее, ты не хотела, чтобы нас увидели вместе. Почему?

От затылка вниз по спине прокатилась ледяная волна мурашек. Он догадался? Понял мое беспокойство о чувствах Мойры? Но как? Внешне мы с ней почти непохожи, да и МакМоры, стыдясь Недоделка, не являли меня свету. Все, что знало высшее общество о младшей дочери Лангарии, – она слаба здоровьем и не любит покидать родового поместья. О слабости ее магии никто и не догадывался: за сохранением этой тайны Лангария следила особенно рьяно.

– Боишься темных ведьм? – вновь усмехнулся Арден, не дождавшись от меня ответа.

Я же вдруг осознала: истинных причин моего поступка он не понял. И пусть это бесчестно, но не воспользоваться ситуацией я не могла.

– Не всех. Только нефритовых.

Арден нахмурился.

– Почему?

Вместо ответа я подняла руку с кольцом и бесстыже, точно безродная мэла, подсунула ее колдуну едва ли не под нос. Думала, ему хватит пары секунд, чтобы оценить большой, вытянутый овалом халцедон. Оценить и, как сапфировые в парке, недовольно скривиться. Но Шантар не скривился – вместо этого он перехватил мои пальцы и принялся с любопытством их разглядывать.

Я же в очередной раз почувствовала растерянность. Да что не так с этим колдуном? Почему его действия невозможно предугадать? Зачем он ведет себя со мной... так?

Правда, как именно «так», я и сама не знаю. Не могу подобрать слов, способных описать мои чувства. А чувства... они, как те самые ласточки, метались в беспокойстве.

– Твои пальцы не знали иголки, – задумчиво произнес Арден, нарушая повисшее между нами молчание. – Но почти все сэлы занимаются вышиванием.

– Вы сами сказали – почти все.

Я высвободила ладонь из цепкого захвата. Прятать ее за спину, однако, не стала – не хотела случайным действием еще больше раздражить опасный интерес.

– Нет, – качнул головой Шантар. Его лицо приобрело задумчивое выражение, взгляд стал внимательным, оценивающим. И мне это очень не понравилось. – У тебя руки артиэллы: аккуратные, с белоснежной и мягкой, словно бархат, кожей. Такие руки бывают лишь у тех, кто с рождения не знает ни работы по дому, ни иголок. Так кто же ты?

Он вновь оказался совсем близко. Его удивительные темно-синие глаза не мигая смотрели в мои, и против воли я почувствовала, что тону в них.

Глава 5

Под ложечкой защекотало, как от падения. Я словно вновь провалилась в пространственный переход, лишилась опоры под ногами. И единственным удерживающим меня якорем стали глаза колдуна, синие, как океан, и такие же глубокие. Они манили, обещали неизведанное, подталкивали поддаться соблазну и узнать: есть ли у океана дно или только бесконечная толща воды, в которой так легко затеряться?

– Кто ты? – повторил Арден, разрушая зачарованный миг.

Я вынырнула на поверхность, жадно втянула воздух ртом и качнула головой.

– Никто, просто сэла.

Колдун молчал. Смотрел на меня еще несколько секунд, точно ощупывая взглядом, потом криво дернул уголком рта.

– А знаешь, не говори мне своего имени. Не говори мне ни кто ты, ни откуда. Я сам обо всем узнаю.

В его обещании вновь зазвучала угроза – Арден сам стал для меня угрозой. И все же что-то внутри меня рвалось ответить на брошенный вызов, доказать: я не хуже.

Не прощаясь, Шантар зашагал к лестнице. Уверенно миновал ступеней семь, как вдруг – неожиданно даже для себя самой – я окликнула его:

– Подождите! Мое кольцо, вы же видели его?

– Видел, конечно. – Арден обернулся через плечо и одарил меня улыбкой. – Красивое. Цвета луны.

Цвета луны.

Цвета луны.

Цвета луны...

Его голос еще долго звучал в ушах, повторяя лишь одну фразу. И, глядя на слишком вытянутый для ночного светила камень, я вдруг подумала, что он действительно очень похож на луну.

Дорога в комнату почти не отпечаталась в памяти: я не помнила ни как преодолела еще один этаж, ни как переступила порог, ни как закрыла за собой

дверь. Лишь от глухого стука последней я пришла в себя и тряхнула головой, стремясь совладать с разбушевавшимися чувствами.

Арден Шантар беспокоит меня. Вот только совсем не так, как сильные колдуны могут беспокоить сердца ведьм. Я... боюсь Ардена. Он слишком внимательный и вместе с тем – слишком непредсказуемый. Его поведение не поддается логике, его мотивы не выстраиваются в понятную линию, но – что хуже всего – всё в нем будоражит мои чувства. Этого достаточно, чтобы увериться: мне лучше держаться от наследника Шантаров как можно дальше.

За раздумьями я и не заметила, как пальцы привычно справились с замками на сундуках. Подняв крышку первого, я растерянно посмотрела внутрь. Темно-синие, синие, темно-зеленые, зеленые – казалось, мой гардероб сплошь состоит из запрещенных цветов. Но под сине-зеленым ворохом нашлось несколько светло-серых платьев, две юбки графитового цвета и четыре белых блузки с аккуратным жабо.

Я нахмурилась.

Это не мои вещи. Их цвета слишком светлые для рода Мак-Мора, а ткани – недостаточно дорогие. И все же одежда оказалась сшита по моим меркам – я специально встала и приложила ее к себе, чтобы лишний раз в этом убедиться.

Но откуда? Кто позаботился о Неделке? Мойра? Сомневаюсь. Сестра была слишком занята собственными нарядами, чтобы думать о моих. Лангария? Снова нет – в последние дни матушке едва хватало времени на Мойру, что уж говорить обо мне. Ригге? И снова нет – у той бы попросту не хватило средств: ткани хоть и были недорогими, все же оказались не из самых дешевых.

Однако, кто бы ни позаботился обо мне, я была ему искренне благодарна. Завтра начнутся занятия, и явиться на них в «чужом» цвете не хотелось. Не потому, что это может вызвать осуждение остальных лернатов, а потому, что может привлечь ненужное внимание.

Моя мечта – стать незаметней тени, тише шелеста травы на лугу, превратиться в эхо собственного голоса и бестелесным призраком дожить до выпускного. Вот только, боюсь, разбуженный интерес Шантара не позволит мне затеряться в толпе. И от понимания этого становилось жутко... Почти так же, как от

воспоминаний о пристальном взгляде незнакомца за обедом.

Оставшуюся половину дня я провела в комнате: разбирала сундуки и дорожный саквояж, пыталась найти каждой вещи подходящее место. Мне хотелось сделать крохотное помещение более уютным, похожим на дом. Ведь на ближайшие четыре года Академия Полуночи станет мне домом... или плахой, если о природе моего дара узнают. Но о последнем я старалась не думать и гнала тревожные мысли прочь. Ветер подхватывал их, точно гусиный пух, и уносил в открытое окно, оставляя после себя лишь свежесть и ощущение щемящей тоски.

Стыдно признаться, но иногда я завидую ветру. Свободный, он волен лететь куда пожелает, и нет ни рамок, ни правил, способных удержать его взаперти. Я бы хотела быть на него похожей.

После проявления меня редко выпускали за пределы родового поместья. Прятали, как нечто постыдное, и гнали в комнату, стоило только у парадной двери появиться гостям. Иногда я подглядывала за ними сквозь балюстраду перил, жадно ловила доносящейся из гостиной смех и звон бокалов. Пыталась хотя бы на миг почувствовать себя частью чужого праздника. Но потом Лангария прознала о моих вылазках, и меня стали запирать.

Я злилась. Как же сильно я на нее злилась в такие моменты! Упрямылась, цеплялась пальцами за дверной косяк, кусала пытящую Ригге, старающуюся затолкать меня в комнату. Но Ригге всегда побеждала. Несмотря на то, что самой Ригге тогда едва исполнилось пятнадцать, она была крупной и сильной. И тощая восьмилетка уж точно не годилась ей в соперницы.

Со временем я... не смирилась, нет. Но в какой-то мере приняла ситуацию. Даже дикий зверь рано или поздно устает кидаться на стенку. Я же была всего лишь ребенком, боящимся собственной сути.

В Лунной империи верят, что силой нас наделяет Полуночная Мать. Именно она тклет полотно наших судеб, вплетая в него разноцветные нити. Я хотела

верить, что и для меня у Полуночной Матери нашлась красивая нить, пусть не такая темная, как для Мойры, но все же не менее крепкая. Однако в глазах Лангарии я так и осталась Недоделком, неудачницей.

Тряхнув головой в попытке отогнать печальные мысли, я достала из второго сундука ларец с писчими принадлежностями. Перенесла его к окну и, открыв, выставила на стол плотно закупоренную чернильницу, держатель для перьев и пресс-папье. В самом ларце оставила только чистые листы, прижатые «ведьминым лассо» к обитому бархатом дну.

Две книги по простейшим темным заклинаниям, взятые из домашней библиотеки с разрешения Лангарии, заняли место на полке. Привычно огладив их потрепанные корешки, я улыбнулась.

Что бы ни думали обо мне сестра и матушка, я не считала себя неудачницей. Мне удалось сохранить свой дар в тайне ото всех, более того – даже освоить темную магию! И пусть ее уровень прискорбно низок, но его хватит, чтобы дожить до окончания академии. Главное – не обнаружить природу собственной силы, а после...

Если честно, так далеко я не забегала даже в мыслях. Но где-то на грани сна и яви, в предрассветных сумерках, кутаясь в тонкий вязаный плед, я видела себя свободной. Свободной не только от рода, но и от страха разоблачения. Свободной быть собой – такой, какой меня соткала Полуночная Мать.

Первый учебный день начался с колокольного звона: низкого, протяжного и очень громкого. Он пронесся над академией, точно ветер над ущельем, разбудил лернатов и погнал их сонными стайками на завтрак. Умывшись, собрав волосы широкой лентой и облачившись в одно из найденных вчера платьев, я присоединилась к людскому потоку.

В этот раз вопросов насчет моего цвета не возникло – мне молча выдали тарелку пшенной каши, слойку, присыпанную сахарной пудрой, и кружку брусничного чая. И пусть завтрак особыми изысками не отличался, но запахи от него

поднимались такие, что в животе заурчало. Впрочем, неудивительно – вчера на ужин я так и не спустилась, за разбором вещей потеряв счет времени.

Проходя к столам для серых, я украдкой глянула на уже получивших завтрак лернатов. Оказалось, едим мы не одно и то же. Все определяет цвет: чем он темнее, тем разнообразней пища. Да и посуда, стоит признать, тоже отличается.

Одна из сапфировых лернат, заметив мой интерес, гордо задрала нос и демонстративно принялась за ягодный рулет, украшенный шапкой меренги. Я же лишь улыбнулась. Подобные попытки задеть на меня не действуют – переживать из-за еды и красивых тарелок я точно не стану.

Покончив с завтраком, я отправила мысленную команду Путеводному свету и зашагала в подвалы академии. Именно там, согласно расписанию, состоятся занятия по снадобьям и зельям.

Подвалы впечатлили. Они скорее походили на огромные подземные залы, чем на тесные комнатухи, которые я успела себе вообразить. Массивные колонны расходились кверху и упирались в потолок десятками веток, точно кроны деревьев в небесную синь. На некоторых из них зачарованными медальонами светились звезды, на выступах стен замерли горгульи, грозно смотрящие вниз на оробевших лернатов. Звук шагов расходился в воздухе гулким эхом. В него, точно новая цветная нить в узор, вплетались шепотки юношей и девушек – халцедонов, как я, – идущих на первое занятие.

Нужное помещение располагалось сбоку от главного зала и заметно уступало ему в размерах. Однако оно оказалось достаточно большим, чтобы вместить двенадцать рабочих столов с котелками и колбами, несколько вытянутых стеллажей, пяток высоких корзин, закрытых крышками, и с десятков деревянных ящичков. В воздухе пахло сушеными травами, пряностями и совсем немного – сыростью.

Стоило мне и остальным лернатам встать за столами, как в помещение вплыла изящная, но излишне худая женщина в длинном платье темно-сливового цвета. Она окинула внимательным взглядом присутствующих и на секунду задержала его на мне. Карие глаза прищурились, а тонкие губы дрогнули в презрении.

Глава 6

Однако миг спустя на припудренное жемчужной пылью лицо вернулось сдержанно-доброжелательное выражение.

– Яркой вам луны, лернаты, – певуче протянула вошедшая.

Интонации ее голоса казались мелодичными, но высокий тембр добавлял звучанию противной писклявости.

– Я рада приветствовать первый год халцедоновых лернатов на моем курсе снадобий и зелий. Меня зовут артиэлла Иштар Дис-Рона. Обращаться ко мне можно магистр Дис-Рона или артиэлла Дис-Рона. Пока понятно? – Нестройный хор голосов был ей ответом. – Что ж, замечательно. Тогда приступим к занятию. Сегодня мы с вами попробуем сварить простое, но требующее полной отдачи зелье – зелье памяти. С его помощью можно на несколько часов повысить предел доступных для запоминания объемов. Учтите, за неделю до сдачи уровней все лернаты принудительно пьют курс блокиратора. Нам ведь ни к чему неточные результаты, верно? – ДисРона пискляво хихикнула.

Длинную шею, торчащую из ворота платья, украшала широкая кружевная лента, расшитая темно-фиолетовыми аметистами. И когда Дис-Рона смеялась, как сейчас, полудрагоценные камни подрагивали, ловя свет ламп и играя им.

– У каждого на столе лежат списки с ингредиентами и необходимыми манипуляциями. Все, что вам может потребоваться, вы легко найдете здесь, – Дис-Рона махнула рукой в сторону корзин и ящиков. – За десять минут до конца занятия я проверю ваши зелья, и тот, кто справится с заданием лучше остальных, получит от меня уже настоящее зелье памяти. Неплохое подспорье в начале учебы, не так ли? – Она подмигнула. Слишком делано, чтобы поверить в искренность ее эмоций. – Приступайте!

Я взяла и развернула лежащий у края стола лист.

ЗЕЛЬЕ ПАМЯТИ, 1 порц. станд. уров.

Ингредиенты:

16 цветков горянки

2 наперстка слюны бурой лисицы

? козьего безоара

1 уголь белого дуба

3 ногтя семян вигны

2 бутона змееголовника

1 лапа олеандровой ящерицы

5 лапок северного паука (собранных не ранее чем на вторую луну от вылупления)

? наперстка крови запоминающего...

Ниже крупным текстом значилось:

ВНИМАНИЕ! Пламя поддерживать строго зеленого цвета, но не сильнее четвертого уровня. При нарушении температурного режима и изменении окраса зелья на бордовый незамедлительно остановить приготовление и наложить на котел блокирующую сферу третьего уровня.

Ставить такие мощные сферы я не умею, но искренне понадеялась, что до этого дело не дойдет. Пока же решила действовать по инструкции. Захватив плетеную тарелку с высоким бортом, я подошла к ящикам и быстро собрала необходимые растения и уголь. Семена, отмерив нужное количество, пересыпала в тряпичный мешочек, четверть безоара кинула к бутонам змееголовника. Вернулась за выбранный стол, разожгла под котелком огонь и, поставив закипать воду, вновь

пробежалась взглядом по списку.

«1 лапа олеандровой ящерицы, 5 лапок северного паука...» – а вот их я не видела. Странно.

Проведя несколько секунд в мучительных раздумьях, я все же решила обратиться к Дис-Роне.

– Артиэлла? – позвала неуверенно и продолжила, едва поймав на себе внимательный взгляд карих глаз: – Прошу прощения, а где можно взять лапки северного паука и олеандровой ящерицы?

– Ох, точно, совсем забыла, – томно прикрыла веки ДисРона. – Лернаты, внимание! – повысила она голос. – Лапки северного паука можно взять в стеклянных банках во?он на том стеллаже. А лапки олеандровых ящериц вы найдете в первой от входа корзине. И, пожалуйста, разбейтесь группами по четверо. Не тратьте больше необходимого, во имя Полуночной Матери!

Что-то в пожеланиях артиэллы меня насторожило – что-то, чему не вышло подобрать определения. Кусая губы, я хмуро следила за потянувшимися к стеллажам лернатами. А спустя полминуты, поддаваясь внутреннему ощущению, зашагала к нужной корзине.

Высокая, расходящаяся конусом кверху, она доходила мне до середины бедра. Плетеные ручки крепились почти к самому краю, на круглой крышке кокетливо топорщилась петелька. Я потянула за нее, открывая, заглянула внутрь и мысленно застонала.

– Артиэлла?

– Да, лерната...

– Дельвар, – подсказа я и поморщилась, стоило писклявому голосу скакнуть еще выше.

– Слушаю вас, лерната Дельвар.

– В корзине сидят живые олеандровые ящерицы.

– И?

– И мне надо... отрезать у одной из них лапу?

– А у вас, лерната Дельвар, это вызывает трудности?

– Нет-нет, никаких, – поспешила заверить я. И для пущей убедительности уточнила: – Но ведь останутся три лишние. И хвост.

– Хвосты, кровь и сердца соберут дежурные. Ваша же задача найти еще троих халцедонов, с кем вы бы хотели разделить ящерицу. Других вопросов нет?

– Нет, артиэлла. Благодарю за ответы.

Дис-Рона дернула носом и отошла к лернате с кольцом из графитово-серого халцедона. Сильная. Вероятно, сильнейшая среди серых первогодок. Элита среди недостойных. Вот только меня это мало беспокоит... в отличие от запертых в плетеной темнице ящериц.

В поместье Мак-Моров я готовила зелья. Но там все ингредиенты были уже мертвыми, а зачастую – даже сушеными. И кинуть скрюченный кусочек чего-то темного, бывшего когда-то лапой живого существа, – совсем не то же самое, что отправить в котел только что отрезанную конечность.

Больше не тратя время на раздумья, я поступила так, как считала единственно правильным – бросила силовой поток в корзину, заваливая ту набок, и силой распахнула дверь.

– Дельвар-р-р-р! – взревела Дис-Рона. И впервые за занятие из ее голоса пропали писклявые ноты, уступив место низкому рыку.

Порыв спасти обреченных на смерть созданий, без сомнения, исходил от моего светлого дара. Темным бы и в голову не пришло переживать из-за каких-то ящериц. Сорвать цветок, отрезать лапу или хвост, вспороть крысу, чтобы достать из ее груди еще теплое маленькое сердце, – для истинных детей Лунной

империи нет разницы между этими действиями. Я же, несмотря на все попытки стать похожей на темную ведьму, так и не научилась с пренебрежением относиться к чужим жизням. Даже таких крошечных существ.

И вот теперь оставалось не больше двух секунд, чтобы придумать достойное оправдание такому несвойственному для темных порыву. Мелькнувшая идея казалась безумной. Возможно, даже еще более безумной, чем толкнувшая выпустить ящериц из корзины. Но время на раздумья истекло.

В секунду я сплела проклятие пятого уровня и набросила его на себя. В груди болезненно ухнуло, заставив согнуться едва ли не пополам. Во рту пересохло, перед глазами замельтешили черные мушки.

Рядом возникла Дис-Рона и, проведя рукой у меня над макушкой, неодобрительно цыкнула.

– Первый день занятий, – качнула она головой. – Первый, лерната Дельвар! А вы уже умудрились получить проклятие! Очередное пари? – Ответа Дис-Рона явно не ждала, так как продолжила почти без паузы: – Как с вашим низким уровнем дара вам вообще пришла идея согласиться?

– Иногда, магистр, выбора просто не остается, – сипло выдохнула я, все еще борясь с разлившейся в груди тяжестью.

Тонкие губы Дис-Роны стянулись в нитку, но в глубине карих глаз мелькнуло понимание. Нет, не истинного положения дел, а того, на которое я и надеялась, накладывая на себя проклятие.

О травле слабых лернатов, существующей в академии, я узнала года два назад. От Мойры. Здесь это называли «пари»: на выбранную жертву накидывали проклятие и ставили условие, как правило, унижительное. Если жертва его выполняла, то проклятие срабатывало слабо, по силе не превышая пятый уровень влияния. Если же не выполняла – получала откат, как от проклятия четвертого уровня. Более мощное воздействие запрещал устав Академии Полночи. Но в «пари» главным оставались не муки жертвы, а ее выбор. Что предпочтительнее: выставить себя посмешищем, разозлить магистра, полезть в драку на более сильного лерната или пережить несколько часов боли? На это, собственно, ставки и делались.

– В любом случае, – Дис-Рона одарила меня хмурым взглядом, – ваше нынешнее состояние не является причиной для невыполнения задания. Всем вернуться к работе! – прикрикнула она.

Хлопнув в ладоши, магистр заставила дверь закрыться, а корзину вернуться в вертикальное положение. Успевших разбежаться ящериц сковало невидимым лассо и одну за другой потянуло обратно в плетеную темницу. Я же закусила губу. Неужели все зря?

Не в силах смотреть на машущих в воздухе лапками ящериц, я отвернулась. И внезапно под одним из стеллажей, в углу у дальней стены, заметила робко выглядывающую зеленую мордочку. Из последних сил, еще сильнее закусывая губу, я послала в тот угол заклятие отвода глаз. Теперь, если только ящерица не решит устроить забег по всему помещению, ее не обнаружат.

Ноги внезапно подкосились. Пришлось спешно ухватиться за стол, лишь бы удержать равновесие. А потом улыбнуться повернувшейся на шум лернате. Я не имею права показывать, насколько сильно на меня влияют даже такие простые проклятия. Набрось я подобное на Мойру, она бы, наверное, и не заметила. Отмахнулась бы, как от мухи, и разрушила раньше срока. Но для моей светлой природы темные проклятия – настоящее испытание.

– Эй, – раздался сбоку от меня голос.

Я повернулась и встретилась взглядом с полноватой девушкой в дешевом темно-сером платье. Слишком дешевом, чтобы оставить простор для сомнений. Лерната была из мэлов.

– Лапа нужна? – она кивком головы указала на свой стол.

Судя по всему, пока Дис-Рона меня отчитывала, мэла не теряла времени даром и без особых душевных терзаний добыла ингредиенты.

– Спасибо, – я постаралась улыбнуться дружелюбно. Кажется, получилось – девушка просияла.

С мэлами неохотно общаются из-за их низкого статуса. Кто-то даже в шутку говорит, что их кровь слишком светлая для детей Лунной империи. Так что эта розовощекая девушка в некотором роде тоже изгой.

– Я Ллоса, – представилась она.

– Илэйн.

– Ты как? Сильно ударило? – она с сочувствием посмотрела на меня. Руки ее при этом споро перетирали в ступке семена вигны со слюной бурой лисицы.

– Не особо, – я отмахнулась, принимаясь разбирать на лепестки цветы горянки. – Просто жжется немного.

– Повезло. У меня двоюродному брату как-то так прилетело, что он два дня еле ползал. Потом, когда вернулся домой на зимние праздники, сходил к травнику. Так тот его десять дней настоями отпаивал, чтобы только брат снова мог нормально питаться. После проклятия-то едва тарелку супа мог в себе удержать.

– Сочувствую.

– Да не, очухался давно уже, – отмахнулась Ллоса. – Я это к другому. После того случая Кайлор ударился в изучение блоков и защитных сфер. Хочешь, поговорю с ним? Может, он тебе какую защиту поставит?

– Нет, спасибо, – я снова улыбнулась. – Правда, ерунда.

Ллоса недоверчиво глянула на мое кольцо, но пожала плечами.

– Ну, как знаешь.

Я кивнула и вернулась к работе над зельем.

Предложение Ллосы было заманчивым, и я бы с радостью согласилась, если бы не одно «но». Почти вся защитная магия вплетается в магию носителя. И если кто-то другой попробует ее на меня поставить, то сразу почувствует отклик

светлой силы. А допустить подобного я не могу.

Занятие по снадобьям длилось бесконечно долго. По крайней мере, так мне казалось. Наложенное проклятие ощущалось в груди тянущей тяжестью, из-за чего даже дышать получалось с трудом. Когда Дис-Рона наконец начала обходить наши столы, отмечая проделанную работу, я уже с трудом держалась на ногах. Приклеив к лицу маску отстраненного спокойствия, за последние одиннадцать лет доведенную до совершенства, я выслушала замечания по своему зелью и медленно побрела к выходу. Несмотря на желание согнуться, спину держала идеально прямой.

Я прошла главный подземный зал, миновала лестницу на первый этаж и почти добралась до середины переходной галереи, как силы покинули меня. Ухватившись за тонкий подоконник раскрытого окна, я высунулась наружу и подставила лицо свежему ветру в надежде, что он поможет взбодриться.

Приближение лерната я не заметила. Лишь услышав приглушенный стук, с которым возле моей ладони опустился маленький пузырек из темно-синего стекла, я повернулась и встретилась взглядом с зелеными глазами нефрита. Того самого, который вчера гипнотизировал меня за обедом.

Глава 7

Наверное, при других обстоятельствах я бы испугалась. Но сейчас сил не осталось даже на это.

– Яркой вам луны, артиэлл, – произнесла я, медленно выпрямляясь.

К лицу вновь приклеилась маска отстраненного спокойствия. Я знаю, как выгляжу в такие моменты – в свое время потратила много часов перед зеркалом, чтобы отработать нужное выражение лица. В каждой черточке сквозит смиренное принятие собственной слабости, во взгляде – покорность воле Полуночной Матери.

С годами я научилась так мастерски держать эту маску, что, как сейчас, могла спрятать за ней даже боль и усталость.

– Выпей, – произнес колдун вместо приветствия. Мне в пальцы ткнулся пузатый бок маленькой склянки.

Голос у незнакомца оказался низковатый, но не хриплый, а словно бархатный. Чуть раскатистое произношение придавало звучанию северного шика. В снежной части Лунной империи ночи особенно длинные, а звезды в горах кажутся особенно яркими. Неудивительно, что именно там рождаются сильнейшие из колдунов. Закаленные ветрами, обожженные морозом и доведенные до совершенства самой природой.

Всего одно слово, а я уже знаю, кто стоит передо мной – любимец Полуночной Матери.

– Что это? – приняв флакончик, я огладила украшенные дутым рисунком бока.

– Зелье силы.

Я нахмурилась и посмотрела на колдуна. Он решил помочь? С чего бы? Темным незнакомо бескорыстие. И смотрящий на меня нефрит наверняка преследует свои интересы. Но какие? Что ему может быть нужно от слабого халцедона?

Вопросы закружили в голове, словно разозленные осы. На кончике жала каждой – яд. В основании крыльев – недоверие. Я не знала, какой из них задать первым. Мысленно следила за полосатым роем и уже почти определилась с выбором, как вдруг, неожиданно даже для себя самой, спросила:

– Кто вы?

Красивые, несмотря на кажущуюся жесткость, губы дрогнули в намеке на улыбку.

– Хэйден Морроубран.

Морроубран? Закрытый род северных колдунов? Но... но как...

– Подумаешь потом, – врезался в мои мысли голос нефрита. – Сейчас выпей зелье. Пока еще можешь стоять на ногах, – добавил он с усмешкой.

Я же вновь вскинула на него хмурый взгляд.

– Не думай, ведьма, что ты одна умеешь носить маски. Только если хочешь, чтобы в них верили, – учись не снимать их там, где тебя могут заметить.

– Почему вы помогаете мне, артиэлл?

Колдун не спешил с ответом. Несколько томительно-долгих секунд молчал, точно испытывая мое терпение, и лишь после этого произнес:

– Не терплю слабость, ведьма. А ты, – одним быстрым движением он схватил меня за ладонь и потянул вверх, поднимая халцедоновое кольцо на уровень глаз, – слишком слаба. Хватит позорить академию своим жалким видом! Выпей зелье и хоть на полдня притворись, будто достойна обучаться в этих стенах.

Будто достойна...

Слова обожгли меня почище раскаленного масла, попавшего вязкими каплями на незащищенную кожу. Я дернулась, высвобождая руку, и выдохнула:

– Ни ваши подачки, ни ваше осуждение меня не интересуют, артиэлл!

Отступила, желая оказаться от него как можно дальше, и пошатнулась на ослабевших ногах. Однако не упала – успела схватиться за подоконник и бросила на колдуна предупреждающий взгляд, чтобы не смел соваться.

– Слабая, но гордая, – фыркнул он. – Как знаешь, ведьма, дело твое. Желая удачно добраться до... какого там этажа? Пятого? Десятого? – Хэйдэн насмешливо дернул уголком рта. – Сделай одолжение, если все же решишь свалиться без сил, дотерпи хотя бы до третьего этажа, ладно? Не загораживай проход на второй.

С каждым словом во мне все сильнее разгорался гнев. Я не искала его общества, он сам ко мне подошел! Подошел, а теперь издевается, тыкая меня носом, как нашкодившего котенка, в природную слабость! Легко ему, рожденному с сильным даром, рассуждать о достойных!

– Смотри не закипи, ведьма, – ухмыльнулся Хэйдэн. – Лучше пей зелье и беги на следующее занятие. Поверь, прогульщиков тут не любят даже больше, чем слабых халцедонов.

Не дожидаясь моего ответа, он развернулся и неспешно, если не сказать – вальяжно, зашагал по галерее. Я хмуро смотрела ему в спину и пыталась понять, чего же он хотел на самом деле? Зачем щелкнул по носу? Зачем дал совет? Зачем... помог?

Взгляд скользнул к оставленному на подоконнике пузырьку из темно-синего стекла. А вдруг там не зелье силы? Травить меня колдун точно не станет, если только не желает позорного исключения из академии. Но в гримуарах темных хранятся рецепты таких снадобий и зелий, выпив которые можно пожалеть, что те не оказались простым ядом.

Я вновь посмотрела в сторону выхода из галереи. Хэйдэна там уже не было.

Врывающийся в окно ветер мягко шевелил мои волосы, скользил выбившимися прядями по лицу, точно оглаживая, и свежестью своей возвращал мыслям покой. Доверять незнакомцу глупо. Доверять незнакомцу, открыто показавшему пренебрежение к слабым ведьмам, – глупо вдвойне. Но в одном северянин прав: сейчас я с трудом могу пройти по прямой, что уж говорить о подъеме по лестнице.

– Как далеко ты готова зайти, Илэйн, в своем стремлении выжить? – тихо спросила я у себя. – На какой риск пойдешь?

На любой.

Я не могу прогулять следующее занятие – проклятие пятого уровня не является уважительной причиной для подобного. И нельзя допустить, чтобы мной заинтересовались, чтобы задумались: насколько я слаба, раз простейшее темное воздействие ударило по мне так сильно? А значит, выбора нет.

Решив так, я откупорила пузырек, зажмурилась и махом опрокинула в себя зелье.

Язык на секунду обожгло, а уже в следующий миг сковало холодом. Вязкая жидкость, прокатившись по горлу, стылým шаром ухнула в желудок. Я обхватила себя руками в попытке согреться, а потом с шумом выдохнула и согнулась пополам – невидимый лед вдруг превратился в пламя.

Мир перед глазами поплыл, пальцы, вцепившиеся в подоконник, свело судорогой. Дышать получалось через раз, словно горло сковало острой изморозью. И на три удара сердца мир замер... чтобы после вновь поменять огонь и холод местами.

Ощущения казались невозможными – будто высоко в горах извергся вулкан и его раскаленная лава потекла по укрытым снегом склонам. Две стихии схлестнулись, пытаясь вытеснить одна другую, и все сильнее подступали к загнанной в ловушку жертве – ко мне.

Я потеряла ход времени: не знала, прошла секунда или вечность. С трудом осознавала себя в разверзшейся агонии жара и хлада.

А потом – так же внезапно, как началось, – все закончилось.

Вокруг было тихо. Оглядевшись, я медленно выпрямилась, ощупала себя, убедилась, что цела. Шагнула к выходу и замерла. Ноги крепко держат вес тела, тяжесть в груди исчезла, оставив после себя лишь отголоски.

Нахмурившись, я посмотрела на пузырек. Все-таки зелье силы? Откуда оно оказалось у Морроубрана? И почему он вздумал им со мной поделиться? Ответы на эти два вопроса я решила получить во что бы то ни стало. Но позже. Сейчас нужно бежать на занятие по звездочтению.

Вернувшись в основной корпус академии, я забрала севернее и, ведомая Путеводным светом, добралась до Звездной башни минут за десять. Нужное помещение оказалось цилиндрической формы, с круглым каменным полом и потолком, убегающим так высоко, что начинала кружиться голова. Стены были изрезаны созвездиями, фазами луны и разноцветными линиями, соединяющими

звезды в причудливые узоры.

Лернаты сидели на полу, разместившись на мягких подушках. Я заняла последнюю свободную и с удивлением отметила, что не чувствую холода. Передо мной, как и перед каждым присутствующим халцедоном, стояли невысокие – всего в несколько ладоней высотой – столики с загнутыми, точно свитки, краями. На темной, отполированной до блеска поверхности был вырезан след ладони с широко разведенными пальцами.

У противоположной от входа стены в ворохе подушек сидела магистр звездочтения – старая, сухая, точно веточка, артиэлла. Ее снежно-белые волосы, заплетенные в две косы, украшали крупные алые бусины. Темно-коричневое, цвета зерен какао, платье закрывало худенькое тело от шеи до пят, оставляя видимыми только лицо и белые, с заметной сеточкой вен кисти рук. Уверена, в юности артиэлла была красива. Но сейчас ее морщинистое лицо напоминало высушенный на солнце патум – сладкий фрукт, растущий у южных границ Лунной империи.

И все же, несмотря на дряблость кожи и мутноватый взгляд поблекших глаз, магистр звездочтения чем-то привлекала. В плавных движениях ее кистей виделась особая грация, во внимательном прищуре – загадка. Казалось, старая артиэлла знает что-то, что остальным детям Лунной империи неизвестно. То, о чем, кроме нее, знает лишь Полуночная Матерь.

– Яркой вам луны, лернаты, – певуче произнесла она. – Меня зовут артиэлла Умбра Лей-Тора, и в ближайшие четыре луны я буду учить вас навыкам чтения звезд. Но прежде, – сухие губы дрогнули в слабой улыбке, – давайте прочтем те звезды, что сияли ярче других в ночь вашего рождения. Перед вами дланные слепки. Опустите в них ладони, отриньте все мысли и переживания. Закройте глаза и попробуйте дотянуться до собственной сути...

Чем дальше говорила Лей-Тора, тем сильнее я хмурилась. Мне не нравилась идея тянуться к собственной сути, не нравилось делать это перед другими халцедонами, но больше всего не нравилось то, что я понятия не имею, чем может закончиться подобная авантюра.

– Ну же, лернаты, – мягко подбодрила артиэлла. – Смелее!

Первым решился юноша с растрепанной копной светло-русых волос. Закусив губу, он с силой впечатал ладонь в слепок и нахмурился до того старательно, будто ни о чем не думать стоило ему небывалых сил. Судя по всему, Лей-Тору тоже позабавило его выражение лица. Поднявшись с подушек, она проплыла к нему плавной походкой и, едва касаясь, погладила по макушке.

– Выдохните, мой дорогой. Позвольте длани стать вашим проводником...

Лернат послушно выпустил через нос воздух и расслабился. Теперь по-настоящему. Широкие плечи опустились, спина перестала походить на доску. Чуть подавшись вперед, лернат сильнее надавил на ладонь, и та вдруг вспыхнула золотистым свечением. От нее вверх взвилась мерцающая пыль, закружилась, танцуя, и выстроилась в причудливый узор. Причудливый, но завораживающий в своей красоте.

В тишине башни отчетливо прозвучали восторженные вздохи молоденьких лернат, которые, как и я, не могли отвести взгляда от золотой пыли.

– Прекрасно, просто изумительно, – мелодично протянула Лей-Тора. – В минуту вашего первого крика звезда сомнений уступила место звезде духа. Вы храбры, мой дорогой, и, уверена, отличный друг.

Лернат распахнул веки и изумленно посмотрел на артиэллу, будто не верил, что столько добрых слов сказано о нем. На круглом лице сияла преданная улыбка.

Я же нахмурилась. Темные не проникаются столь быстрой симпатией. Тем более к другим темным. Так почему же во взгляде халцедона сквозит такой восторг? Чары расположения? Симпатии? Но зачем бы это магистру?

– Теперь ваш черед, моя дорогая.

За размышлениями я совсем упустила момент, когда Лей-Тора отошла от лерната и оказалась возле меня. Мысли захлестнула паника. Тянуться к своей сути я не собираюсь, поддаваться силе артиэллы, если та ее все же применит, тем более. Но как быть? Разве могу я отказаться, не привлекая лишнего внимания? Боюсь, занятий по снадобьям и зельям оказалось более чем достаточно, чтобы напомнить мне о главном: моя задача – оставаться незаметной, дожить до выпуска, а потом бежать как можно быстрее и как

можно дальше. От Академии Полуночи и от Лунной империи. Но как поступить сейчас?

– Дорогая, вы побледнели. Все хорошо?

– Д-да, – сбивчиво выдохнула я, принимая решение.

Глава 8

Протянув подрагивающую ладонь над столиком, я на секунду замерла в нерешительности, а потом одним быстрым движением впечатала ее в слепок длани. Да, все так. Я не имею права выделяться, а значит – не могу отказать магистру.

Вот только кое-что все еще оставалось в моей власти.

Закрыв глаза и расслабившись, я стала думать вовсе не о собственной сути – как того требовала Лей-Тора, я думала о Мойре. Воскрешала в памяти ее образ, тянулась к ее силе. Пусть мы отличаемся по магии, но по крови остаемся сестрами, и я знала – суть Мойры отзовется на мой призыв.

– Как странно... – раздался над головой певучий голос.

Открыв глаза, я лишь мельком глянула на взвившийся поток серебристой пыли и устремила все внимание на хмуращуюся артиэллу.

– Сила ваша... и будто не ваша... – задумчиво бормотала она. – Слабый, очень слабый отголосок... Но я вижу тьму. Как странно, – повторила Лей-Тора, а уже в следующий миг тяжело вздохнула: – Ох, моя дорогая, мне так жаль. Неудивительно, что ваш дар настолько слаб, – она мазнула быстрым взглядом по моему кольцу и продолжила: – В минуту вашего первого крика ночное светило накрыла тень, а ярче других сияла звезда перемен. Ох, какое опасное сочетание! Вам не повезло, моя дорогая, – вздохнула она, стоило мне испуганно отдернуть ладонь и тем самым уничтожить неспешный танец зачарованной пыли. – И вместе с тем – повезло безмерно. Пусть ваш дар слабее многих, но он

темный – я видела это. А ведь мог проявиться светлый, и тогда, боюсь, вашей семье пришлось бы вас убить.

– Ч-что?

Умбра Лей-Тора не спешила с ответом. Жевала сухие губы и обводила присутствующих мутным взглядом выцветших глаз.

– Вы ведь знаете, мои дорогие, что уже несколько сотен лет наша империя противостоит нападкам Солнечного царства, – наконец заговорила она. – Светлые чародеи, населяющие его, поклоняются Пресветлому Отцу-создателю, отвратительному в своей сути. В отличие от нашей всепонимающей Полуночной Матери, их Отец – жадный до власти, безжалостный, выжигающий все дикарь. И его единственное развлечение – вырывать сердца поверженных темных ведьм, уродовать их, превращая в благословенные камни, и использовать против нас же. Есть легенда...

Артиэлла тяжело вздохнула и медленно, будто ощущая на плечах груз прожитых лет, вернулась на подушки. Устроилась на них, тяжело побряхтывая, потом заговорила, размеренно и певуче:

– На истоке времен с неба упала звезда, настолько яркая, что сиянием своим разделила мир на темную и светлую половины. Из тьмы вышла Полуночная Матерь, а из света – Пресветлый Отец. И решили они жить в мире и согласии, сменяя друг друга по очереди, и многие тысячелетия следовали договоренности. Но наскучила им такая жизнь, и захотели они дать начало детям своим – так Полуночная Матерь породила темных ведьм и колдунов, а Пресветлый Отец создал светлых чародеек и заклинателей. И жили они в мире еще тысячу лет.

Голос Лей-Торы звучал приглушенно, а сама она прикрыла глаза, будто вспоминая те далекие события.

– Не могла нарадоваться Полуночная Матерь на собственных детей: улыбалась так счастливо, светилась такой любовью и вздыхала так мечтательно, следя за успехами их, что невольно похитила сердце Пресветлого Отца. Вот только не стал он добиваться взаимности, а в жадности своей захотел подчинить ночную красавицу, доказав могущество собственной силы и власти. Подкараулил он Полуночную Матерь в предрассветных сумерках и взял против воли. Не смотрел

он на слезы ее, не слушал мольбы, лишь утолял собственный голод. А утолив – бросил в тени ускользящей ночи и ушел в рассветном сиянии.

Сидящая сбоку от меня лерната охнула, ее соседка воинственно нахмурилась. На лицах всех халцедонов явственно читалось сочувствие к покровительнице темных и злость на защитника светлых.

– Затяжелела Полуночная Мать, – продолжила напевный рассказ Лей-Тора. – Все росла она, как луна на небосклоне, пока в одну из ночей не разрешилась солнечной дочерью. Но возненавидела она ее, как символ пережитого унижения и слабости, и убила без колебаний. Вознегодовал Пресветлый Отец, что посмела она руку поднять на дитя его, и натравил светлых чародеек да заклинателей на темных ведьм и колдунов. И началось противостояние, которое длится по сей день. И прокляли оба созданий друг друга, и стали рождаться у них дети чуждой стихии... – артиэлла на несколько секунд замолчала, а потом совсем тихо и печально закончила: – Редко рождаются такие дети, но если все же какой род запятнает себя этим позором, то надлежит тому роду лично избавиться от неугодного, дабы кровью его очистить имя свое.

Лернаты молчали, пораженные легендой. Многие хмурились, некоторые девушки тайком утирали выступившие слезы. Лей-Тора сидела с закрытыми глазами, точно убаюканная мелодичностью собственного голоса. Я же пыталась осознать смысл последних слов предания.

Выходит, избавиться от неугодного ребенка надлежит его семье? То есть, узнай Лангария о природе моего дара, она бы... убила меня?

Нет! Невозможно!

Я читала записи о светлых, рожденных в Лунной империи! Да, их убивали. Но нигде – нигде! – не упоминалось, что делали это их же близкие.

Или...

Страшная догадка вспыхнула в сознании, словно молния в ночи.

Или мой детский разум попросту отказался принимать жестокую правду и защитил себя, как сумел?

Впрочем, уже неважно. Главное – я выжила, а моя тайна по-прежнему остается тайной. Через четыре года я окончу академию и на несколько дней – до проведения обряда принятия – буду считаться безродной. Так поступают с каждым выпускником-лернатом: иницируют его и возвращают в род полноправным колдуном или ведьмой.

Для меня же старая традиция – единственный шанс спастись, не уничтожив при этом чести дома Мак-Мора. Ведь когда я сбегу, я буду просто Илэйн, и даже если правда о моем даре станет известна, она уже не сможет навредить ни Лангарии, ни Мойре. Никому.

Тяжелые мысли не отпускали меня до конца занятия. Я почти не вслушивалась в рассказы Лей-Торы, не обращала внимания на цветные песчинки, которые вспыхивали, стоило очередному лернату коснуться дланного слепка.

Протяжный звон колокола, пронесшийся над академией, ознаменовал начало обеда. Вместе с остальными лернатами я покинула Звездную башню и двинулась к Корпусу Ораха. Спешить не хотелось. Да и голод, заглушенный волнением, почти не ощущался.

Отстав от шумного потока халцедонов, я неспешно брела по коридорам академии. В главном холле остановилась на несколько минут, любуясь огромным окном-розой, потом продолжила путь. Я почти добралась до трапезной – даже шум голосов слышался уже отчетливо, – как вдруг мне на голову посыпалась мелкая, точно пыль, каменная крошка. Нахмурившись, я посмотрела вверх и испуганно шарахнулась в сторону. С выступа, щеря сколотые от времени зубы, мне улыбалась горгулья.

– Илэйн Дельвар? – в скрежете камней мне отчетливо послышалась издевка – горгулья знала, к кому явилась, но с видимым удовольствием наслаждалась моим испугом. Еще бы! В нашем поместье статуи не оживали.

– Вам надлежит немедленно явиться к артиэлле Алире Мак-Фордин – директору Академии Полуночи.

– Н-но зачем?

– Придешь, тогда и узнаешь.

Горгулья подмигнула и, не прощаясь, вновь обернулась неподвижной статуей.

Стук невысоких каблучков расходился по коридорам гулким эхом. Я давно покинула Корпус Ораха и сейчас шагала к магистерскому крылу. Выйдя на улицу, миновала открытый проход, над которым толстыми ветками нависали аркбутаны, и нырнула сквозь огромные, украшенные растительным орнаментом двери.

Эта часть академии выглядела роскошнее: витражи казались больше, а украшения залов – искуснее. Ведомая Путеводным светом, я поднялась по широкой, уходящей по дуге вверх лестнице и миновала очередной коридор, мельком поглядывая на портреты ведьм и колдунов.

Наконец я оказалась перед стрельчатой дверью. На табличке из черного серебра значилось:

Артиэлла Алира Мак-Фордин

Директор Академии Полуночи

Две строчки изящных букв с завитушками, две вытянутые заглавные «А», одно имя, одна должность... и один и тот же страх, рождаемый ими в груди каждого лерната, оказавшегося у этой двери.

Вот только я не боялась. Волновалась – да, но не настолько, чтобы забыть, как следует держаться дочери рода Мак-Мора. Трижды стукнув костяшками по темному дереву, я дождалась разрешения и вошла.

Алира Мак-Фордин была красива. Именно эта мысль первой возникла в моей голове, стоило только переступить порог. Я не представляю истинный возраст артиэллы, но выглядит она едва ли старше тридцати пяти. Идеальная осанка, величественный разворот плеч, мягкий, но внимательный взгляд темно-фиолетовых глаз. В иссиня-черных волосах поблескивал аметистовый гребень. На тонкой шее, обтянутой кружевным воротом, висел кулон с заключенным в него лунным камнем. Но не тем, из которых делают Путеводный свет для лернатов, а особенным – едва заметно мерцающим белым.

– Яркой вам луны, директор Мак-Фордин, – я склонила голову в приветствии, а когда снова посмотрела на артиэллу, поймала ее добрую улыбку.

– И вам яркой луны, лерната Дельвар. Прошу, располагайтесь, – мне жестом указали на стоящее перед столом кресло.

Я послушно села, и артиэлла продолжила:

– Магистр Дис-Рона поведала мне о происшествии на ее занятии. Кроме того, она любезно поделилась выводами относительно причин, толкнувших вас на столь опрометчивый поступок. Скажите, вас действительно вынудили это сделать?

Стоило Мак-Фордин задать вопрос, как камень на ее груди засветился ярче. Наверное, при других обстоятельствах я бы не заметила этого. Но едва поняв, что разговор пойдет о моей неудавшейся попытке саботажа, я опустила взгляд, всем своим видом выражая раскаяние. Вот только, против обыкновения, смотреть стала не в пол, а на медальон, висящий поверх платья директора.

Остальная картинка сложилась быстро. У Лангарии был похожий медальон, но чуть более вытянутой формы, и я знала его название – Правдивая Луна. Он вылавливал малейшую фальшь в голосе собеседника и предупреждал хозяина.

– Я не могла поступить иначе, – ответила почтительно, не позволяя паузе затянуться.

– То есть вас вынудили? – повторила Мак-Фордин.

– Скорее, не оставили выбора.

Это была чистая правда: светлый дар требовал хотя бы попытаться спасти обреченных существ. И медальон не уловил в моем голосе фальши.

– Что ж... – четко очерченные черные брови сошлись на переносице. – В таком случае я попрошу вас назвать имена виновных.

В груди похолодело. Назвать имена я не могу, ведь никаких виноватых, покарать которых так жаждала Мак-Фордин, нет. А любую ложь медальон тут же выявит. Все, что мне оставалось, – молчать, в волнении сжимая пальцы в кулаки.

– Лерната Дельвар, – мягко позвала директор, заставляя встретить ее взгляд. – Я на вашей стороне, так что ничего не бойтесь. Ситуация с этими... пари, – в темно-фиолетовых глазах мелькнуло неодобрение, – ухудшается год от года. Вместе с другими магистрами мы пытаемся пресечь травлю халцедонов. Ведь, как нетрудно догадаться, именно вы и другие лернаты, носящие кольца из того же камня, больше остальных попадаете под удар. Но многие предпочитают отмалчиваться. Это глупо, Илэйн. Назовите имена обидчиков, и я лично прослежу, чтобы они не ушли от наказания.

Алира Мак-Фордин говорила вкрадчиво, заботливо – когда-то давно, еще до проявления, так со мной разговаривала Лангария. В груди вспыхнуло старое, почти забытое желание спрятаться в ласковых объятиях, ощутить мягкие прикосновения к волосам, почувствовать себя защищенной и любимой. Но только я давно научилась не поддаваться таким порывам – знала: Лангария не станет обнимать Неделка.

Вот и сейчас я легко заглушила желание довериться. Сохранила на лице сдержанную улыбку и качнула головой.

– Благодарю за заботу, директор Мак-Фордин. Но всю вину за случившееся я готова принять на себя.

Медальон на груди артиэллы оставался спокойным, подтверждая искренность моих слов. И его хозяйке это явно не понравилось – красивые губы дрогнули, готовые стянуться в нитку, но тут же отработанным движением растянулись в печальную улыбку.

– Что ж, лерната, – вздохнула Мак-Фордин в притворном сочувствии, – если вы уверены в своем решении, тогда мне ничего не остается, кроме как принять его. Четыре часа отработки на кухне. Надеюсь, они помогут вам понять, что ответственность за проступки должны нести виновные. Никто не оценит ваше заступничество. Но если передумаете, – мне достался выразительный взгляд, – возвращайтесь.

Попрощавшись, я покинула кабинет, закрыла за собой дверь и с облегчением выдохнула. Отработка на кухне меня не пугала, а осознание того, что мне удалось сохранить секрет и не попасться на вранье, грело душу.

Я уже собиралась отойти от двери, как по ту сторону раздался голос директора:

– Гордин, зайди ко мне. Немедленно. И принеси дела тех лернат-изумрудов. Да, кажется, я поняла, на какую отработку следует послать наших маленьких злобных гарпий.

Глава 9

На обед я едва успела. Раэль – тот самый рыжеволосый парень, который вчера посоветовал не затягивать с получением кольца, – снова дежурил на раздаче. Завидев меня, он махнул рукой, подзывая, и передал, что на отработке меня ждут сразу после ужина. Я кивнула. Забрала положенный халцедону обед – рагу, салат и пряный имбирный чай – и поспешила к серым столам.

Вкуса еды я почти не ощущала. Подслушанные слова Мак-Фордин разбередили рой сомнений и беспокойства. Я пыталась, но никак не могла понять поведения директора: зачем ей усложнять мне жизнь? Из-за того, что посмела пойти против ее воли и отказалась назвать имена виновных? Или все дело в моем, как она считает, желании заступиться? Да, темные не выгораживают друг друга, но и для молчания может быть несколько причин.

А эти лернаты-изумруды... Кто они? Чего ждать от грядущей встречи?

С каждой минутой догадки становились все мрачнее, и под конец трапезы я уже не сомневалась – придется отбиваться. Только как?

Плести фантомов я не умею – слишком низкий уровень силы, физическими способностями не отличаюсь, а на приготовление зелий времени нет. Ужасное состояние: знать, что опасность притаилась за углом, и не иметь возможности ни защититься, ни сбежать. Да и помощи попросить не у кого.

Хотя... Я застыла, так и не донеся вилку до рта.

Хэйден Морробрэн.

Один раз он уже помог мне. И пусть я не понимала его мотивов, пусть за ними мог крыться интерес пострашнее планов Мак-Фордин, но сейчас Хэйден виделся мне единственным шансом выкрутиться из опасной ситуации.

Не доев, я поднялась и спешно покинула трапезную.

В коридорах академии было шумно. Разноцветным потоком лернаты разбредались на занятия, шли в библиотеку или в парк, если позволяло расписание. Но странным образом мне встречались кольца всех оттенков, кроме черных. Нефриты будто испарились. Путеводный свет мог отвести меня в любой, даже самый потаенный уголок академии, однако проводить к нужному колдуну оказался не в силах.

Оставался последний вариант. И Полночная Матерь свидетель, я не хотела к нему прибегать, но выбора не было.

Прикрыв глаза, я мысленно потянулась к сути Мойры – почти так же, как делала это на занятии по звездочтению – поймала слабый отклик и зашагала в нужную сторону.

Я знала, что сестра не обрадуется встрече, но не ожидала, что она будет в таком бешенстве. Она выскочила из перехода, когда я шла по боковому коридору, укрыла нас мощным пологом для отвода глаз и прорычала:

– Что ты творишь, Недоделок? Тебе что, свет ум выжег? Хочешь, чтобы нас увидели вместе?!

– Мне пришлось, прости. Я ищу Хэйдена Морроубрана.

Едва услышав имя северянина, Мойра нахмурилась и недовольно, но уже без прежней ярости, всмотрелась в мое лицо.

– Зачем он тебе?

– Хочу попросить о помощи.

– Морроубрана? Поверь, он последний, у кого стоит быть в долгу. Понятия не имею, откуда ты узнала его имя, с чего вообще решила сунуться к нему, но советую держаться от этого колдуна как можно дальше.

– Но...

– Как можно дальше, Илэйн! – повторила сестра громче.

Быть обнаруженной она явно не боялась – знала: полог надежно укрывает нас от посторонних глаз и ушей.

– Но мне нужна помощь, – напомнила я упрямо. – На отработке будут изум...

– Учись сама справляться с трудностями, – холодно перебила сестра. – В академии тебе ничто не угрожает, тут даже проклятия выше четвертого уровня запрещены.

– Да, но если...

– Потерпишь! Ты халцедон, вот и держись среди своей серости. Даже думать о нефритах забудь! А о Морроубране в особенности!

Развернувшись, Мойра открыла новый переход и исчезла. Я же хмуро уставилась на опустевшее место. Интересно, мне показалось, или сестра... боится Хэйдена?

Вторая половина дня пролетела пугающе быстро. Минуты таяли, как застигнутые весенним солнцем снежинки: моргнешь, а их уже и нет. За ужином я искоса поглядывала на сидящих неподалеку изумрудов. Все пыталась угадать, кто же они – маленькие злобные гарпии? Но за зелеными столами царила дружеская атмосфера: звучал привычный гул голосов, доносился смех – высокий женский или раскатистый мужской, – слышался стук приборов о тарелки. Если бы не цвет одежд, изумруды бы ничем не отличались от халцедонов – наверное, могли бы даже поладить. Но в академии камни в кольцах определяют всё.

С окончанием ужина трапезная опустела. Я подошла к двери на кухню, стукнула несколько раз и, не дождавшись ответа, потянула массивное кольцо на себя.

Помещение по ту сторону деревянной преграды оказалось огромным. Тяжелые мраморные столы, несколько печей и жаровен, длинные стеллажи, заставленные кастрюлями и сковородками. Ряды тарелок для всех лернатов – от халцедонов до нефритов, – огромные глиняные кружки с торчащими из них ручками столовых приборов. Мешки с крупами, ящики с овощами...

– О, Дельвар? – из-за стеллажа, увешанного связками лука и чеснока, показалась женщина. – Меня зовут сэла Мерула Найрин, я главный кухарь академии. Проходи, не робей.

У Мерулы была приятная улыбка, ямочки на щеках и большие голубые глаза. Каштановые волосы, собранные в тугий пучок, покрывал серый платок. Такого же цвета был передник, обнимающий пышное, точно подошедшая сдоба, тело.

– Пойдем, покажу тебе, чем будешь заниматься. Ты пришла первой, так что и работенку получишь поприятнее.

Развернувшись, Мерула зашагала вглубь кухни.

– Готовить-то умеешь?

Я растерялась. Сэлы обычно сами занимаются домашними делами, почти не прибегая к помощи наемных кухарей. Высокородные артиэллы, напротив, не утруждают себя подобной работой. Будучи дочерью Лангари, я получила образование и воспитание истинной артиэллы и могла сладить с любым, даже самым капризным ведьминым котлом, но никак не со сковородкой.

– Матушка говорила, я способна испортить любое дело, за которое возьмусь.

Мерула, обернувшись через плечо, глянула на меня с улыбкой.

– Поэтому такая тощая? Кормили твоей же стряпней? Ладно, Дельвар, не тушуйся – и тебе найдется работенка по плечу. А с готовкой мы сами сладим: помощники у меня шустрые, да и зачарованные жаровни работают исправно. Вот, пришли.

Мы остановились у большой печи, на которой в пузатой кастрюле закипала вода. Рядом на столе стояли миска с просом и низкий стакан, на четверть пальца заполненный солью.

– Как закипит, высыпи все. А сама пока разбери зелень, – мне указали на плетеную корзинку. – Справишься?

– С этим – да, – я улыбнулась.

Мерула кивнула. Открыла рот, явно собираясь сказать что-то еще, но так и не озвучила мысль – ее отвлекли донесшиеся от входа голоса. Пришли изумруды.

Я напряглась и неосознанно встала вполоборота, прикрывая спину столом. Возможно, Мойра права, и переживать действительно не о чем, но рисковать я не собираюсь. Иногда лучше выйти в пасмурную погоду с зонтом и проносить его весь день закрытым, чем понадеяться на удачу и вымокнуть до нитки под внезапно начавшимся ливнем.

Мерула вернулась через минуту. За ней, точно утята за мамой-уткой, шли две лернаты в зеленых платьях. Обе оказались худенькими, невысокими, со схожими круглыми лицами. Обе смотрели на меня с одинаковым беспокойством. Настолько искренним, что я усомнилась. Эти девушки не похожи на «маленьких

злых гарпий» – скорее уж на тех, кто сам всегда попадает под удар.

Так может, мне неслучайно повезло подслушать разговор директора? Вдруг Мак-Фордин специально запугивает провинившихся лернатов? Это бы объяснило затравленные взгляды изумрудов. Однако с выводами я не спешила.

Мерула подвела девушек к соседнему столу, выдала ножи, миски и наказала чистить овощи. Потом, пообещав держаться поблизости, ушла. Мы же остались втроем. Заговаривать не спешили – так и работали, искоса поглядывая друг на друга.

Через полчаса кухарь вернулась, отругала одну из лернат, что та слишком толсто снимает кожуру с картофеля, похвалила вторую. Убрала с огня кастрюлю с просом и на ее место водрузила вытянутую сковороду, в которой томилось мясо с травами для магистров. Велела мне поглядывать. Потом снова удалилась.

Работа текла спокойно: изумруды занимались овощами, я промывала порей, следя, чтобы между стеблей не осталось ни крупинки земли, разбирала зелень. От печи веяло теплом. Тишину кухни нарушало лишь приглушенное бульканье, плеск воды и звук падающих в корзину очисток. Наваливалась сонливость.

Безумный бег времени прекратился, и теперь минуты лениво сменяли одна другую. Поднимающиеся от сковороды ароматы вплетались в расслабляющую атмосферу кухни, дарили ощущение уюта и, странным образом, защищенности.

Внезапный вскрик и последующий за ним грохот разрушили магию момента. Заставили вздрогнуть и испуганно глянуть на лернат. Одна из них – судя по всему, тоже поддавшись сонливости, – задела корзину с еще нечищенным картофелем и опрокинула ее. Белые клубни, точно мячики, тут же раскатились по кухне. Несколько из них мягко ткнулись в мои туфли.

– Простите, – пробормотала девушка, принимаясь ловить сбежавшие овощи.

Я присела и подняла те, что оказались возле меня. Закинула их в корзину и, повернувшись обратно, успела заметить отскочившую от печи лернату. В душе похолодело.

– Директор Мак-Фордин просила передать, что ее предложение остается в силе, – усмехнулась она.

Потом ловко накинула «ведьмино лассо» на разбросанный картофель и стянула его на место. Я же кинулась к печи, но не успела. От сковороды повалил фиолетовый дым, а в следующий миг ужин для магистров взорвался, забрызгав густой подливкой половину кухни.

– Дельвар что-то кинула в соус! – в один голос закричали лернаты, едва завидев Мерулу.

Глава 10

Мерула Найрин не стала слушать моих объяснений, не дала даже защититься. Разозленная устроенным погромом, она едва сдерживалась, чтобы не сорваться на крик. Попытки переключить ее внимание на изумрудов тоже потерпели крах. Каждый раз, когда Мерула поворачивалась к ним, гарпии строили настолько невинные лица, что поверить в их причастность было невозможно. В остальное время они гадко улыбались, поглядывая на меня из-за спины кухаря, и с видимым наслаждением слушали, как меня отчитывают.

Никогда прежде – даже в поместье Мак-Моров – я не чувствовала себя настолько беззащитной. И собственное бессилие злило. Оно полыхало в груди холодным огнем, ощущалось щекоткой под ребрами и покалыванием на кончиках пальцев. Мне хотелось защититься, хотелось воззвать к справедливости и заставить изумрудных лернат понести наказание... только я не представляла, как это сделать.

– Я доложу о случившемся директору Мак-Фордин, и уже она назначит тебе наказание, – пыхла, будто закипающий чайник, Мерула. – А теперь вон с моей кухни! И появляться здесь больше не смей!

Подгоняемая криками кухаря и гадкими улыбочками лернат, я вышла в трапезную. Огляделась, желая увериться, что никто не видел столь унижительной сцены, и спешно – едва ли не бегом – покинула помещение.

Однако уйти далеко не получилось.

Я миновала всего два коридора и одну галерею, как из-за поворота возник Арден и преградил мне дорогу.

– Привет, молчунья, – улыбнулся он.

Я же мысленно застонала. Встреча с наследником Шантаров – последнее, чего бы мне сейчас хотелось. По правде сказать, я бы предпочла, чтобы он держался от меня как можно дальше. Но, судя по всему, разбуженному интересу Арден мог противостоять не лучше, чем я – светлым порывам. Мы оба были заложниками наших сущностей.

– Яркой вам луны, артиэлл, – произнесла я, заставляя собственный голос звучать почтительно. Забывать о разнице наших статусов опасно: в академии он артиэлл, я – всего лишь сэла.

Арден неодобрительно прищурился и сократил между нами расстояние. Причем настолько, что, заметь нас кто со стороны, сплетен о любовной связи между нефритом и халцедоном не избежать. Вот только во взгляде колдуна не было страсти – скорее, болезненный интерес, иссушающая нужда. И это пугало даже сильнее.

– Каково это? – выдохнул он, шевеля дыханием мои волосы. – Каково притворяться, будто ты ниже меня по статусу?

Грудь сковало льдом страха, перед глазами поплыло, но внешне я не дрогнула – знала это, чувствовала застывшую на лице маску холодной сдержанности.

– Твои руки, твоя осанка, твоя манера держаться... слишком много в тебе от артиэллы, чтобы ошибиться. Так кто же ты?

– Кажется, еще вчера вы желали самостоятельно найти ответ на этот вопрос, – я позволила себе ничего не значащую улыбку, пустую и отстраненную.

Всего лишь приличествующее ситуации поведение, но взгляд Ардена зацепился за нее, задержался на моих губах дольше, чем того позволяют правила.

– Даже твоя улыбка идеально выверена, – произнес он. – Я вижу каждую эмоцию, которую ты хочешь передать. Они слишком чистые. Нет смазанности, нет жеманства, нет чрезмерной манерности. Каждое движение отточено настолько, что становится естественным. Такое возможно только в древних родах. Но ты халцедон... Халцедон из древнего рода. Пятно на чести семьи.

Последние слова задели, и я едва сдержалась, чтобы не отвернуться. Но сейчас это было бы непростительной ошибкой. Он смотрит. Ждет. Ловит каждую эмоцию. И я не могу попасться так глупо – я не проиграю.

– В тебе столько выдержки, – Арден наконец отвел взгляд от моих губ и посмотрел в глаза. – Если бы ты была нефритом, ты стала бы драгоценностью, украшением рода. Могла бы возвысить его, наделить еще большими влиянием и силой.

Каждая фраза ранила иглой. Тонкой, острой, длинной – она проникала под кожу и оставляла после себя кровоподтеки. Вот только не на моем теле – на моей душе.

– Но Полуночная Мать отвернулась от тебя. Ты проклятая дочь древнего рода. Рожденная править, но лишенная короны...

На последних словах, боюсь, выдержка все же изменила мне, и я дернулась в попытке увеличить дистанцию.

– Я не понимаю ваших речей, артиэлл. Прошу простить, но вынуждена...

– Не понимаешь? – перебил Арден, дернув уголком рта.

Против воли я проследила за этим жестом.

– Родись ты нефритом, наши судьбы переплелись бы в полотне Полуночной Матери. Как бы ни назывался твой род, он из древних – а значит, ты могла бы стать моей. Но вместо этого тебе предназначено носить на пальце халцедоное кольцо. И теперь два жалких изумруда гонят тебя, словно охотничьи псы – лисенка. Полуночная Мать действительно бессердечная дрянь.

– Ч-что?

Нет, меня насторожили не оскорбления покровительницы темных, а упоминание зеленых лернат. И Шантар понял мой вопрос правильно.

– Я видел тебя, – пояснил он. – Стучащую в дверь кухни, взволнованную, но держащую спину прямо. Гордую и упрямую. А через пару минут я заметил Аливеру и Милантэ, идущих следом. Маленькие гарпии Мак-Фордин – так их называет директор, так они зовут себя сами. Лицемерные, хитрые паршивки, почти неуловимые в своих подлостях. Мне стало интересно, что же они устроят на этот раз, и я оставил соглядатая, – Арден с лукавой улыбкой достал из кармана маленький мутно-желтый камень.

Я не поверила собственным глазам.

– О, вижу, ты узнала вещицу. Да, моя молчунья, это Видящий камень. Было несложно под пологом отвода глаз пробраться внутрь и оставить его на одном из стеллажей. А после, когда крики стихли, вернуться и забрать. С ним можно доказать твою невиновность, дать отпор не только Аливере и Милантэ, но и самой Мак-Фордин.

Я смотрела на Видящий камень словно зачарованная. Чувствовала, что все сказанное нефритом – правда. И понимала главное: Арден не отдаст мне ключ к спасению просто так. Переведя взгляд с камня на лицо колдуна, я вновь утонула в его темно-синих, словно океан, глазах и спросила:

– Чего вы хотите, артиэлл?

Арден не спешил отвечать. Скользил по моему лицу взглядом, точно пальцами, и улыбался.

– Как тебя зовут?

Вопрос удивил. Настолько, что, растерявшись, я ответила:

– Илэйн.

– Илэйн, – повторил он тихо.

И впервые мое имя прозвучало так нежно. Кажется, будто срываясь с губ Шантара, оно становилось другим – мягким, загадочным... желанным. Никто, даже Лангария до моего проявления, не произносил его так.

– Расскажи мне о себе, Илэйн, – дыхание Ардена скользнуло по моей щеке.

Он по-прежнему стоял слишком близко. Я чувствовала исходящий от него запах мореного дерева, сырой земли и металла. Терпкий, чуть резковатый – такой аромат мог принадлежать только очень сильному колдуну. Но в Ардене привлекала не сила, не щедрый дар, полученный им от Полночной Матери, а что-то едва уловимое – что-то, чему не получалось подобрать определения.

– Это плата?

– Нет, – Арден качнул головой, – просьба. Кто ты? Откуда? Почему изображаешь сэлу?

– Я сэла...

– Не ври мне, Илэйн. Ты должна была стать черной жемчужиной – украшением своего рода, но что-то пошло не так. Что же? Звезды? Проклятье?

Я молчала. Не сводила с Шантара напряженного взгляда и не шевелилась. Колдун нахмурился.

– Ты боишься меня?

– Не понимаю, – ответила честно. – Какой интерес может быть у нефрита к халцедону?

Арден хмыкнул.

– Мне неважен цвет камня на твоём пальце.

– Именно поэтому вы так любезно напомнили мне, что я позор и проклятие рода? Бросьте, артиэлл, назовите свою цену, и покончим с этим. Что вы хотите в обмен на Видящий камень?

Синие глаза прищурились.

– Камень – единственное, что тебя интересует? Как и остальные, печешься лишь о собственной выгоде?

– Вы говорите так, словно порядки темных вас не устраивают, – я снова позволила себе вежливую, чуть отстраненную улыбку.

Шантар нахмурился и приблизил свое лицо к моему настолько, что между нашими носами осталось не больше нескольких сантиметров.

– Не думаю, что тебя саму устраивают эти порядки, – едва слышно произнес он, касаясь дыханием моих губ. – Не пытайся лукавить, Илэйн. Ты не похожа на других темных ведьм. Возможно, все дело в слабом даре, или суть ночи не повлияла на твой характер – я не знаю, не понимаю, в чем именно твой секрет. Но он манит. Ты манишь.

Мне не понравились слова Ардена. Слишком неоднозначные, слишком опасные. Я вновь отступила на шаг, увеличивая дистанцию. Если бы могла – развернулась бы и позорно сбежала, до того сильно пугало внимание Шантара. Но у него Видящий камень – мой шанс защититься.

– Вы говорили, если бы я родилась нефритом, наши судьбы могли переплестись. Но раз этого не случилось, должна быть другая ведьма.

– Она есть, – взгляд Ардена вновь изменился: стал внимательным, цепким, точно у гончей, почуявшей след. – Тебя беспокоит именно это? Думаешь, я обручен?

Я изогнула левую бровь и позволила уголку губ чуть приподняться. Арден хмыкнул.

– Не дразни меня, Илэйн. В твоём взгляде вызов, и вся моя суть кипит, требуя ответить на него. Не стоит проверять границы моей выдержки, поверь, я и без

того близок к тому, чтобы их перешагнуть. А что касается невесты, ты права – она есть. И в то же время ее нет.

Мои губы приоткрылись и замерли; изо рта так и не вырвалось заготовленное «тогда вам следует проявлять к ней больше уважения». Как это – нет невесты? А Мойра?

– Решения о таких браках принимают главы семей. Они же выбирают срок, когда ведьме и колдуну надлежит переплести нити судеб. Неужели не знаешь? – усмешка, искривившая губы Ардена, вышла до очевидного кислой. – Нам обоим отмерили времени лишь до окончания академии, а после – обряд принятия, возвращение в род, брак. Все решили за нас, молчунья. Мы с ней не выбирали друг друга, и оба не горим желанием исполнить родительскую волю. Но правила есть правила.

Я качнула головой. Нет, Арден Шантар, ты ошибаешься. Может, Мойра действительно не делала выбора, но она его приняла. И не просто приняла, а рада ему. Она ждет этого брака и давно отдала тебе свое сердце. А оно у нее есть.

Пусть мы с сестрой потеряли связь, но я помню, какой она была до моего проявления. Мы не просто дружили – мы будто делили одну душу на двоих. Это Мойра приходила ко мне ночью, когда я не могла уснуть: рассказывала сказки и гладила по волосам. Не Агрена – Мойра. Именно ко мне она прибежала первой, когда ее силы пробудились. И она же дольше остальных пыталась защитить меня, едва стало понятно, что мой дар слишком слаб.

Но и Мойра была ребенком. Сколько могла она противиться установленным порядкам? Как долго выгораживала меня перед матушкой? Я уже и не вспомню. Но в одном уверена до сих пор: Мойра не предала меня в один день – ее научили презирать мою слабость. И пусть сейчас между нами не осталось теплых сестринских чувств, я все равно желаю ей счастья. Как минимум за то, что в детстве именно Мойра прогоняла мои кошмары.

– Думаю, вашей невесте не понравится повышенное внимание к другой лернате, – произнесла я холодно. – Пожалуйста, артиэлл, назовите вашу цену за Видящий камень, и покончим с этим.

Арден снова нахмурился. Но ненадолго, всего на секунду, а после – улыбнулся.

– Раз тебе от меня нужен лишь камень, пожалуй, стоит продать его подороже. Интересно, что же мне попросить взамен? – он задумчиво склонил голову набок, и непослушная прядь его волос вновь упала на лоб.

Против воли я задержалась на ней взглядом. Пальцы едва ощутимо закололо от желания дотронуться, но я сжала их в кулаки. Нельзя.

– Коснись меня, – тихо произнес Арден. – Перестань себя сдерживать. Сделай это, и я отдам тебе Видящий камень.

Почему из всех возможных вариантов он выбрал именно этот? Заметил мой интерес? Или сам желал того же? Понятия не имею. Но знаю главное: мне нужен Видящий камень. И если получить его так просто, то... то почему я сомневаюсь?

– Ну же, Илэйн.

Словно зачарованная, я подняла руку. Мои пальцы замерли напротив лица колдуна – распрями я их, и они коснутся густых угольно-черных волос. Однако я медлила. Что-то словно сдерживало меня от последнего шага.

Мойра.

Она влюблена в Ардена. И пусть для самого колдуна их договорная помолвка ничего не значит, для Мойры это не пустой звук. Я не хочу ранить ее чувства.

С другой стороны, в одном прикосновении нет ничего запретного. Это просто плата за Видящий камень, за шанс доказать мою невиновность и избежать несправедливого наказания.

– Смелее, – едва слышно выдохнул Шантар.

И я почти решилась, почти совладала с робостью и с сомнениями, но вдруг рядом кто-то хмыкнул. Резко отстранившись, я повернулась в сторону звука.

На нас, прожигая взглядом, смотрел Хэйдэн Морроубран.

Глава 11

Я смутилась.

– Хоть бы потрудился поставить полог, – в голосе северянина отчетливо прозвучало презрение. – Пятнать себя связью с халцедоном, да еще и почти белым.

– Не лезь, Морроу.

Арден шагнул вперед и встал так, чтобы прикрывать меня плечом.

– Ох, ну надо же, – жесткие губы Хэйдена растянулись в усмешке. – Готов защищать слабых и убогих? Тебе что, свет разум выжег?

– Не твое дело, Морроу! Иди куда шел.

Северянин не ответил – так и стоял, нависая над нами скалой. И внезапно я вдруг подумала, что Хэйден похож на земли, в которых родился. Он выглядел так же холодно и неприступно, но вместе с тем – столь же величественно. Словно покрытые льдом вершины гор, укутанные снегом перевалы или отвесные склоны. В нем чувствовалась не просто сила, а скрытая мощь. Мощь и спокойствие.

И кажется, Арден тоже это почувствовал. Он заметно напрягся, подался вперед, будто готовясь отразить нападение; выглядел при этом воинственно и грозно. Но Хэйден не дрогнул. Снова хмыкнул, мазнул по мне полным пренебрежения взглядом и, развернувшись, направился к выходу из галереи.

Я смотрела ему в спину, слушала эхо тяжелых шагов и кусала губы. Почему-то меня задело, что он не сказал мне даже слова. Я словно упала в его глазах, будто допустила непростительную ошибку... И пусть сама я знаю, что ничего подобного не совершала, на душе стало тоскливо.

– Не обращай внимания, – беспечно произнес Арден. – Это Морроубран – он себе на уме.

Я с трудом отвела взгляд от широкой спины, обтянутой черным кителем, и посмотрела на Шантара.

– Илэйн? – он нахмурился.

Не уверена, заметил ли Арден перемену в моей мимике или интуитивно почувствовал неладное, но сейчас в глубине синих глаз расплескалось недовольство. Слишком заметное, оно напоминало океан перед штормом – такое же темное, опасное, способное захлестнуть и погубить все, что окажется у него на пути. Но на кого оно направлено? На меня? Или на Хэйдена?

– Он прав, – не удержавшись, я снова посмотрела вслед северянину, но тот уже покинул галерею. – Нам не стоит вести себя столь опрометчиво. Вряд ли вашей невесте понравится, что вас касалась низкородная сэла.

– Илэйн, мне казалось, мы прояснили этот момент, – голос Ардена зазвучал ниже, рассерженнее.

Из тяжелых туч, нависших над океаном, вырвалась первая молния. Слепящей вспышкой она осветила сгущающийся мрак, а после – уступила место раскатистому грому. Но только я не дрогнула – за последние одиннадцать лет мне часто доводилось терпеть недовольство Лангарии. И я знала: рано или поздно любой шторм успокаивается.

– Пожалуйста, артиэлл, назовите другую цену. Из уважения к вашей невесте, из уважения ко мне, прошу вас.

Арден нахмурился. Мимические морщины изрезали переносицу и лоб, словно беспокойные волны – океан.

Секунды три колдун молчал, потом качнул головой.

– Мы договорились, Илэйн. Если тебе нужен Видящий камень, придется выполнить мое условие.

Я всмотрелась в красивое лицо. В его аристократичные черты, бездонные глаза, острые скулы, прямой нос. Подобную внешность вытачивают поколениями, соединяя лучшее с лучшим, полируют манерами и воспитанием, наделяют силой. Арден казался идеальным, словно океан, – такой же сильный и манящий. Такой же опасный. Но только я не имею права ступить в эти воды.

– Вы помолвлены, артиэлл. И если для вас этот факт ничего не значит, то я не могу притвориться, что не знаю о нем. Пусть Полуночная Матерь отмерила мне мало сил, но хочется верить, что о чести она не забыла. Темной вам ночи, – я склонила голову, выражая уважение к высокородному, и обогнула замершего статуей колдуна.

Да, я надерзила: не смеет сэла первой прекращать разговор, не смеет напоминать о чести артиэллу. Но я не могла поступить иначе. Он жених моей сестры, и если он не чувствует к ней любви, то может выказать хотя бы уважение. Как он верно заметил, она тоже его не выбирала.

– Илэйн!

Я обернулась.

– А Видящий камень?

Арден выглядел растерянным. И где-то в глубине души я испытала удовлетворение: приятно, что не только он может удивлять меня своим поведением.

– Оставьте его себе, артиэлл. Если директор Мак-Фордин действительно задумала наказать меня, она найдет способ это сделать: с помощью гарпий или без них. И в таком случае разумнее будет не злить ее еще больше, а позволить довести начатую партию до конца.

– Гордость – хорошее качество, Илэйн. Но лишь до тех пор, пока не становится глупостью. Если ты права насчет Мак-Фордин, то будь осторожна. Директор ничего и никогда не делает без причины. Постарайся выяснить, чем ты так не угодила. И если понадобится помощь, не упрямясь – приходи.

– Благодарю, артиэлл, но, боюсь, вашу помощь можно получить лишь в обмен на услуги, оказать которые я не в силах. Темной ночи.

Я снова склонила голову и продолжила путь. Шла неспешно, уверенно – так, будто сердце не выпрыгивало из груди перепуганной птицей; будто в ушах не шумела кровь, почти заглушая стук моих каблуков. Я не имела права показать Шантару свою слабость. И не показала ее. Но Полуночная Матерь свидетель, это стоило мне едва ли не всех оставшихся сил!

Первые три этажа лестницы я миновала на одном дыхании. Двигалась все так же размеренно, но без остановок. Я просто не позволяла себе остановиться и перевести дух. Лишь добравшись до четвертого, устало прислонилась к стене и, закрыв глаза, шумно выдохнула.

Арден Шантар не для меня. Он жених моей сестры. Он наследник одного из сильнейших домов колдунов. Он нефрит. Неважно, как он влияет на меня и что заставляет чувствовать, я должна держаться от него как можно дальше. Нельзя позволить его интересу пустить корни, равно как и поддаваться собственной слабости. Ставки слишком высоки, и любая ошибка будет стоить мне жизни.

Выпрямившись, я огладила юбку и продолжила подъем.

На восьмом этаже лампы горели приглушенно – их свет едва разгонял опустившийся сумрак. Но свою комнату я нашла без проблем, даже смогла различить цифры «246» на латунной табличке. Толкнув тяжелую дверь, я переступила порог.

Внутри было темно. И даже проникающий сквозь незанавешенное окно тусклый лунный свет не спасал ситуацию. Едва ли не на ощупь я добралась до комода, умылась, сменила платье на ночную сорочку и почти без сил рухнула на постель. Какие бы еще испытания ни приготовила для меня Полуночная Матерь – все завтра.

Утром я проснулась рано, еще до колокола. Потянулась, с наслаждением разминая тело, лениво перевернулась на бок и замерла. Стоя на подушке, на меня смотрела ящерица. Зеленая, с широкими ноздрями, большими глазами и желтыми полосками на морде. Олеандровая. Судя по всему, та самая, которую я вчера прикрыла заклинанием отвода глаз.

Я медленно села.

- Привет, - произнесла вполголоса, стараясь не напугать нежданную гостью.

Но та и не подумала убежать - только переступила лапами да вскинула мордочку, словно вглядываясь в мое лицо. Удивительно, но страха с ее стороны я не ощущала. Напротив, маленькая визитерша будто... доверяет мне?

- Зачем ты здесь? - спросила я, особо не рассчитывая на ответ.

Однако ящерица медленно повернулась к окну, задержалась на нем взглядом, потом снова посмотрела на меня. Встав с кровати, я подошла к стрельчатому проему и выглянула на улицу.

Хмурое небо нависало над академией сизым полотном. Поднявшийся ветер резвился в парке, зарываясь в кроны; проказливо сдергивал с веток пожелтевшие листья и гнал их то вдоль дорожек, то по воздуху. Работающие мэлы - слуги академии - заметно ежились под его порывами. И, глядя на них, я поняла, что хотела сказать гостья.

Олеандровые ящерицы живут на юге Лунной империи. Здесь, всего в трех ночах от столицы, слишком холодно. В природе моей беглянке не выжить, в академии - тоже: если ее поймают, то сразу вернут в плетеную корзину к обреченным подругам. Но со мной у нее есть шанс выжить... Точнее, так должно казаться самой ящерице.

Я с трудом могу представить, как ей удалось продержаться незамеченной почти сутки, как она нашла меня и как попала в комнату. Хотя с последним проще всего - достаточно посмотреть на широкую щель между дверью и полом. Но все остальное...

– Я не лучшая компаньонка, – призналась, опускаясь на кровать. – Самой бы выжить.

Будто понимая сказанное, ящерица доверчиво забралась мне на колени, вытянула передние лапки и снова задрала мордочку.

– Я не могу пообещать, что со мной тебе будет безопасно, понимаешь?

Ящерица мягко притопнула лапой. Взгляд ее при этом оставался прикован к моему лицу. Я медленно сомкнула веки. Кого я пытаюсь обмануть? Зная, каково это – каждый день жить в страхе смерти, я не могу обречь на такое же существование другого. Пусть даже и олеандровую ящерицу.

– Ладно, – выдохнула я, решаясь, и вновь посмотрела на гостью. – Живи тут.

Зеленая пронира тут же радостно затопталась на месте, сминая мою сорочку холодными лапами. Я вскинула брови.

– Ты понимаешь нашу речь?

Ящерица замерла и преданно на меня уставилась.

– Топни один раз, если хочешь сказать «да», два раза – если «нет».

Она не пошевелилась. Я же нахмурилась. Несколько секунд мы с ней играли в гляделки, потом я повторила:

– Ты меня понимаешь?

Топ.

Сердце забилось быстрее.

– Остальные ящерицы... там, в корзине, тоже разумны?

Топ. Топ.

- То есть ты одна такая?

Топ.

- Но почему? Как?

Ящерица наклонила голову, отчего ее мордочка приобрела забавное выражение. И самым невозможным образом мне почудилась в нем улыбка. А уже в следующую секунду я поняла:

- Вопросы только на «да» и «нет», так ведь?

Топ.

Мысли в голове заскакали, словно кузнечики в траве, - я едва за ними попевала. Чувства тоже пришли в смятение. Удивление талантам гостьи; облегчение от понимания, что оставшиеся ящерицы были обычными; догадки, как при такой особенности зеленая пронира оказалась в корзине... Поняв, что еще немного, и эмоции сведут меня с ума, я прикрыла глаза и медленно выдохнула. На несколько секунд задержала дыхание, а потом снова посмотрела на гостью.

- Придумаем тебе имя?

Топ. Топ-топ-топ. Топ.

Я улыбнулась, чувствуя ее нетерпение. Кажется, идея пришла беглянке по душе.

- Как же тебя назвать? Оле?

Топ. Топ.

- Леа?

Топ. Топ.

Я задумалась, продолжая внимательно следить за ящерицей.

– Уна? Рил? Майтор? Шиаран? – перечисляла я, и на каждое новое имя получала один и тот же ответ.

Мы перебрали уже порядка двадцати вариантов, но зеленая упрямица по-прежнему оставалась недовольна. Причем не знаю как, но я чувствовала растущее в ней нетерпение – ящерица словно знала свое имя и ждала, когда я назову его. Моя же готовность потакать ее капризам стремительно таяла: хотелось прекратить эту затянувшуюся игру, умыться, переодеться и спуститься на завтрак. Но настырная гостья, будто почувствовав мое состояние, топала все быстрее.

На четвертом десятке я перечисляла уже все, что в голову взбредет. Забывшись, назвала имена Ардена и Хэйдена, но к счастью, они тоже не встретили одобрения.

К рубежу в половину сотни я совсем перестала вдумываться в значения. По крайней мере, именно этим я объяснила себе то, что моих губ сорвалось запрещенное имя:

– Эвис.

Топ.

Я вздрогнула.

Это имя мне встретилось лишь однажды – в старом дневнике моей прабабушки. Так звали светлую чародейку, пойманную на территории Лунной империи; ее пытали, а после казнили с особой жестокостью. Как она там оказалась, что искала или от чего бежала – в дневнике не указывалось. Лишь подчеркивалось, что именно имя выдало ее природу раньше всего остального, ибо никто и никогда не смеет произносить имена светлых на землях темных.

– Уверена? – я замерла, вглядываясь в морду ящерицы.

Еще оставался шанс, что она передумает. После пяти десятков перебранных имен, после стольких попыток, после...

Топ.

Я тяжело вздохнула. Светлая ведьма в академии темных и разумная ящерица с запрещенным именем – вместе мы станем еще более заметными. Если нас поймут, если узнают секреты каждой...

– Никто не должен знать твоего имени, – произнесла я, беря Эвис на руки. – Никто не должен догадаться, что ты разумна. Иначе тебя заберут, и я... прости, но я не смогу тебя защитить, если ты сама себя выдашь. Нам обеим надо быть очень осторожными. Договорились?

Эвис смотрела на меня и забавно двигала мордочкой, склоняя ее то вправо, то влево. Несколько секунд она не отвечала, будто обдумывая услышанное, потом топнула. Я с облегчением выдохнула.

– Еды у меня здесь нет. Но к вечеру я постараюсь что-нибудь достать. Ты потерпишь?

Топ.

Ссадив Эвис на кровать, я потянулась к листам с расписанием занятий, пробежала их взглядом и тихо застонала. Первыми сегодня идут проклятия и ритуалы, и, боюсь, это те самые темные материи – занятия для истинных детей Лунной империи.

Глава 12

Покидая комнату, я нервничала. Закрывает дверь и лишней раз дернула на себя, убеждаясь, что та встала плотно. Еще секунды две смотрела на нее, в волнении сжимая пальцы, а затем развернулась и влилась в сонный поток халцедонов. Держаться старалась спокойно, невозмутимо. Так, будто в голову не лезли тревожные мысли, а в сердце – страх. Мои тайны множились, и опасность,

которую они несли, все сильнее простирала надо мной свои крылья.

До трапезной я добралась как в тумане. Не обращая ни на кого внимания, получила завтрак и заняла уже привычный стол, стоящий чуть в отдалении ото всех. Вкус еды не ощущался – он словно притупился на фоне царящего в сердце беспокойства. Зато тяжелый взгляд я почувствовала едва ли не кожей. Еще не посмотрев в нужную сторону, я уже знала, кого увижу.

Хэйден сидел за тем же столом, что и в мой первый день в академии. Все такой же холодный и отстраненный, все в том же черном кителе и с небрежно забранными назад волосами. Все такой же притягательный и отталкивающий одновременно.

Однако стоило ему заметить мой интерес, как он скривил губы в презрении и отвернулся. Я же, напротив, не могла отвести от него взгляда.

В груди росло иррациональное желание подойти, попытаться объяснить, вызнать, что именно вызвало его недовольство. Но, во-первых, мне не хотелось привлекать ненужного внимания, а во-вторых... Во-вторых, я злилась! На Хэйдена и на себя. Мне не нравилось чувство вины, которое он разжег во мне всего несколькими фразами и парой презрительных взглядов. Я Мак-Мора! Пусть не по силе, но по духу! И гордость древнего рода для меня не пустой звук!

Вот только, как бы я ни злилась, взгляд против воли возвращался к северному колдуну снова и снова. Я мысленно тянулась к нему, хотела заставить повернуться, посмотреть на меня... Но нет – Хэйдена, казалось, интересовал лишь завтрак.

Из трапезной я выходила хмурая, как сегодняшнее утро. Следуя Путеводному свету, добралась до учебного корпуса, поднялась на второй этаж и остановилась у тяжелой двери с вырезанной на ней черной звездой.

Заходить внутрь было страшно. Если зелья и снадобья, звездочтение, история Лунной империи относятся к нейтральным материям, то проклятия и ритуалы – к темной магии. Той самой, которой я не обладала от рождения, и крохами которой овладела с таким трудом.

Шумно выдохнув, я решительно толкнула дверь и переступила порог.

Четыре стрельчатых окна закрывал колдовской занавес, лишая комнату притока естественного света. Если бы не сотни толстых свечей из красного воска, лернаты перебились бы лбами в попытке отыскать столы и лавки, что располагались вдоль стен. Причем так, чтобы каждому сидящему был хорошо виден центр комнаты, где в окружении вырезанных в камне символов едва заметно светился ведьмин круг.

Я заняла место с краю у дальней стены. Рядом со мной, приветливо улыбнувшись, опустилась Ллоса – мэла, поделившаяся ингредиентами для зелья памяти. А едва все халцедоны расселись, в комнату вошел магистр.

Он заметно прихрамывал на правую ногу, и даже украшенная искусной резьбой трость с тяжелым набалдашником в виде головы ворона оказалась не в силах скрыть его слабость. Трость явно была необходимостью, а не украшением.

Высокие сапоги с ремешками на серебряных пряжках и черные штаны выглядели дорого. Таким же казался китель, застегнутый на все пуговицы. Выстриженная бородка едва касалась плотного ворота, а густые с проседью волосы были аккуратны, если не сказать – педантично, зачесаны назад.

Словно невидимый кокон, колдуна опутывал гнетущий флер темной силы. Хотя, возможно, гнетущим он казался лишь мне.

– Меня зовут артиэлл Аларис Торн, обращаться ко мне можно магистр Торн, – его голос прозвучал сухо, колко, словно царапающиеся друг о друга ветки на осеннем ветру. – Вы халцедоны, и уровня вашей силы едва ли хватит для проведения хоть сколько-нибудь приличного ритуала. Но директор Мак-Фордин настаивает, чтобы все наши лернаты получали знания в полной мере.

Прохромав к деревянному стулу с высокой спинкой и широкими подлокотниками, магистр тяжело в него опустился. Выдохнул сквозь сцепленные зубы и вытянул правую ногу.

– Лернат, лерната... Кто-нибудь знает, что скрывается за привычным понятием? Никто? Прискорбно, – тонкие губы искривились. – Лерн-а-тэ, или «учусь у тебя», – в самом слове сокрыто желание постигать, перенимать. Но достичь даже скромных высот дано не всем. И я не считаю необходимым тратить время – мое

и ваше – на обучение тех, кого Полуночная Матерь не наградила силой. Поэтому сейчас, в первый и последний раз, я даю вам право решить: хотите вы остаться или желаете уйти. Не спешите. Подумайте. Времени вам до конца занятия. А пока...

Взгляд желтых глаз облетел замерших напуганными совятами лернатов. Вот только смотрел магистр не на наши лица, а на наши кольца.

– Вот вы, – обратился он к одному из юношей. Тот заметно сжался под пристальным вниманием магистра. – Вы можете назвать четыре обязательных элемента ритуала призыва простейшей проклятой сущности?

– Мм... речные камни, листья стыдливой мимозы... мм... уголь... мм...

– Достаточно, – холодно оборвал магистр.

Тонкие, кривоватые пальцы, обнимающие голову ворона на набалдашнике, недовольно сжались.

– Я не потерплю невнятного мычания на своих занятиях. Как бы это ни было прискорбно, но вы темный колдун, лернат...

– Морриган.

– Лернат Морриган. И если уж Полуночная Матерь выбрала для вас в полотне серую нить, то будьте добры компенсировать слабость дара силой знаний. Это касается всех халцедонов, – цепкий взгляд снова облетел присутствующих, только на этот раз он был прикован к нашим лицам, не кольцам. – Иногда бессилён даже самый темный дар, и тогда на помощь приходят навыки: вовремя сорванное растение, правильно подобранный камень, выверенно построенное проклятие... Учитесь у нас, лернаты, – тонкие губы дрогнули в усмешке, – и если когда-нибудь вам не повезет столкнуться со светлыми чародеями, то, возможно, именно знания подарят вам лишних десять минут жизни.

Халцедоны молчали, настороженно глядя на магистра. Последнюю фразу все услышали и поняли верно: то, о чем редко говорилось в открытую, но что давно не являлось секретом – столкновения со светлыми продолжаются. Активных

битв не случилось уже несколько десятилетий, но маленькие, выматывающие оба государства стычки длятся и по сей день. Каждая из сторон не желает позволить второй забыть о сильном соседе; никто не готов отступить или идти на мировую.

Аларис Торн дал нам время обдумать услышанное, потом продолжил:

– Выучите географию Лунной империи, если до сих пор не потрудились этого сделать. Запомните наши границы и не приближайтесь к ним. Ни одному халцедону не выжить в столкновении со светлыми. По крайней мере, с теми, что нападают на детей Полуночной Матери.

В темной комнате, освещаемой лишь огоньками свеч, повисла гнетущая атмосфера. Даже дышать стало тяжелее. И кажется, магистру это нравилось – желтые глаза светились холодным превосходством.

– А теперь вернемся к вашим скудным познаниям. Итак, кто попыбует провести ритуал-воззвание к основателю рода?

Все молчали, затравленно глядя на ухмыляющегося Алариса Торна.

– Уверен, нам всем не терпится узнать, как много может самый слабый из вас – белый халцедон, – заключил магистр, безошибочно находя меня взглядом.

Думаю, в глубине души я знала, что мне не избежать внимания магистра – слишком светлый камень в моем кольце. Он как маяк притягивает взгляды и превращает меня в мишень. Поэтому особого страха я не испытала – напротив, ощутила вызов. Не тот, о котором говорил Арден, и не тот, который я сама хотела бросить Хэйдену. А другой, намного более сложный, – вызов моей сути.

– Конечно, магистр Торн, – я почтительно склонила голову и поднялась из-за стола.

Артиэлл меня не остановил. Прищурившись, он с видимым любопытством принялся следить за моими действиями: как я подошла к вырезанному в полу ведьминому кругу, как присела и провела пальцами по символам защиты, как встала и огляделась.

– В сундуке, – подсказал магистр, тростью указывая на большой, обшитый металлом короб.

Я кивнула и в несколько шагов добралась до цели. Натужно выдохнула, поднимая тяжелую крышку, и заглянула внутрь. Свет свечей разгонял темень комнаты, однако вместе с тем пускал длинные густые тени, которые в нутре сундука чувствовали себя особенно привольно. Сбившись плотным коконом, они протянулись над содержимым, точно снежное покрывало над зимним полем – укрыли так плотно, что и не понять, что под ними.

Я посмотрела на магистра. Тот, поймав мой взгляд, изогнул бровь и прищурился, всем своим видом давая понять, что не собирается ни подсказывать, ни направлять. Замершие статуями лернаты тоже молчали. И тогда я решилась: опустилась на колени перед сундуком, сжала пальцы на деревянных ребрах и, стиснув зубы, потянулась к «ведьминому зрению».

Это заклинание лежало на границе нейтрального и темного и всегда давалось мне непросто. Но сейчас, на удивление, оно откликнулось почти сразу. Глаза обожгло, точно в них кинули горсть песка, потом затянуло мутной пеленой. Именно эту пелену и зовут «ведьминым зрением». Оно позволяет видеть едва ли не в полной темноте. Пусть неярко, в серых тонах, но все же достаточно, чтобы различать очертания предметов.

Вот и сейчас я легко смогла рассмотреть скрытые в сундуке богатства: корень стахиса, ивовые прутья, стеклянную баночку с костяной мукой, клык медведя, камень забвения, высушенную с аметистовой пылью змеиную шкуру и... кинжал. Да, его я тоже достала. Еще раз быстро оглядела содержимое сундука и, выдохнув, отпустила «ведьмино зрение». Посмотрела на магистра, без слов спрашивая: продолжать? Он кивнул в сторону круга, так же безмолвно отвечая: продолжай.

Возможно, не стоило спешить и отпускать «ведьмино зрение» – с ним было бы удобнее разбирать вырезанные в полу символы: не пришлось бы обводить каждый пальцем, а иногда наклоняться так низко, что собранные лентой волосы свешивались и кончиками касались камней. Но иначе я не могла.

Ритуал-воззвание к основателю рода довольно прост. Но требует полной отдачи и внимания. А от меня – еще и всех имеющихся сил.

Однажды Мойра позволила мне наблюдать, как она его проводит. Сейчас я понимаю, что в тот момент сестра красовалась – хотела лишний раз напомнить, сколь силен ее дар, раз в четырнадцать лет она может сделать то, что большинству темных по силам лет с семнадцати. Но тогда мне просто нравилось наблюдать за сестрой: смотреть, как с ее лица исчезает надменное выражение, уступая место сосредоточенности; как внимательно она отмеряет костяную муку; как замирает на мгновение, прежде чем полоснуть себя холодным лезвием по ладони. Я впитывала каждое действие, каждую эмоцию, отражавшуюся на лице Мойры, и я восхищалась ею.

Образ сестры стоял перед мысленным взором так ярко, что я не задумывалась о том, что делают мои руки – отдалась во власть воспоминаний и повторяла за четырнадцатилетней Мойрой, еще угловатой и нескладной, каждый шаг. Лишь когда ладонь обожгло болью, я вынырнула из омута памяти и вернулась в темное помещение.

Выложенный круг выглядел таким же, каким я его запомнила. Может, не настолько идеальным, как у Мойры, но не думаю, что сейчас это важно. Глянув на магистра и не дождавшись от него ни одобрительного кивка, ни презрительного взгляда, я продолжила.

Нужные символы оказались на трех, восьми и двенадцати часах, и каждый из них я обвела своей кровью. А после – зажала в порезанной ладони полоску ткани, вымоченную в отваре тысячелистника и коры калины. Ее я тоже нашла в сундуке, рядом с кинжалом.

Теперь оставалось самое сложное – воззвание. К Мойре дух явился почти сразу. Полупрозрачный, мутный, постоянно меняющий форму... понять, кем он был при жизни, получалось с трудом, но, кажется, женских очертаний в нем было больше, чем мужских. Оно и неудивительно – все знают, что ведьмины роды идут от женщины, тогда как дома колдунов берут начало от мужчины.

Несмотря на схожесть природы, способности ведьм и колдунов отличаются – несильно, иногда едва ли не на крупницу возможностей. Но порой именно эти крупницы решают все. И до поступления в академию каждый род пытается развить особенности, что делают ведьму ведьмой, а колдуна – колдуном.

Когда сильные ведьма и колдун решают вступить в брак, их семьи заключают договор: если в том союзе родится ведьма, ее отдадут в род матери, дабы взрастить в ней крупницы ведьминой силы. Если будет сын, то он останется в доме колдунов.

И пусть у природы ведьм и колдунов разница небольшая, традиция разделять наши дома сохраняется уже многие поколения. К ней привыкли, сроднились с ней настолько, что иной подход кажется невозможным.

Иногда сильные ведьмы сознательно берут в мужья более слабых колдунов, зная, что от такой связи родятся только дочери. Сильные дочери! По крайней мере, так это обычно бывает. Я же стала исключением даже из самого простого, подтвердившего себя за сотни лет правила.

– Лерната, будьте добры завершить ритуал, – сухой голос магистра ворвался в мои мысли.

Я вздрогнула и послушно вернулась к делу.

Оставалось немного: сконцентрироваться, потянуться к памяти крови – не к сути, воззвать к ней, пролитой на границы ведьминога круга, мысленно соединить ее с той, что бежит по моим венам, и укрепить эту связь. А едва почувствовав отклик, дернуть на себя, вливая память в круг, и узреть бестелесный облик. Я знала, что нужно делать, но еще ни разу не преуспела в попытках довести этот ритуал до конца. Обычно память крови мне не отзывалась. Но может, сейчас – в академии, где каждый камень напитался силой и мощью тысячи колдунов и ведьм, что творили и продолжают творить магию в ее стенах, – все получится.

Закрыв глаза, я мысленно потянулась вглубь себя. Ощутила пульсирующий на ладони порез, вязкую липкость под пальцами. Нос защекотало ароматами сандала и мирта, воздух стал казаться плотнее. Я чувствовала его прикосновения, ощущала кожей, словно ткань. Он давил на грудь, заставляя дышать медленнее и глубже; на плечи, вынуждая опустить их настолько, что напряглась шея. Казалось, я все сильнее погружаюсь в толщу воды: темную и бесконечно манящую.

Внезапно сердце дернулось, словно его поймали на крючок и резко потянули наружу. Я шумно вдохнула, прижала ладони к груди и с ужасом осознала – откликнулась моя светлая суть.

Нет! Только не сейчас!

– Хм-м, – задумчивый голос магистра вызвал во мне вторую, еще более мощную волну паники.

В последний миг, хватаясь за нить воззвания, ускользающую, точно предрассветный туман, я потянула ее на себя и развеяла. Потом распахнула веки и испуганно встретила с очень внимательным взглядом желтых глаз.

Глава 13

Магистр молчал. Смотрел на меня, прищурившись, и будто силился понять, что же именно произошло. Ведьмин круг пустовал. Ивовые прутья в нем усохли и сжались, а клык рассыпался пеплом. Я знала, что грубое прерывание ритуала не пройдет бесследно, но не ожидала настолько мощного отката. Если бы он ударил не по элементам призыва, а по мне... Нет, даже думать об этом не хочу.

Тишина становилась удушливой. Мысли, словно напуганная стайка воронят, разлетелись в разные стороны, и лишь некоторые из них уронили черные перья страха и сомнений.

– Прискорбный результат, – наконец произнес магистр Торн. – В вашем возрасте столь простой ритуал не должен вызывать проблем. Однако, судя по всему, даже «ведьино зрение» дается вам непросто. Прискорбно, – повторил он. – Остальным я даю выбор, лерната, но вам настоятельно советую не тратить время понапрасну – мои занятия не для вас. Ваш дар слишком слаб. Он не позволит вам постичь таинства ритуалов.

– Я... я понимаю, – произнесла, совладав с голосом. Расправила плечи и посмотрела на магистра с уважением, но без страха. – Благодарю, что дали шанс. Да будет Полуночная Матерь к вам великодушна, – я склонила голову, как

следовало сэле перед артиэллом, потом выпрямилась. – Могу я идти?

– Идите. И, лерната, – окликнул Аларис Торн, когда я развернулась к двери, – советую вам посетить библиотеку. Выучите границы Лунной империи. С вашим уровнем дара знать их следует лучше, чем собственное имя.

– Благодарю за совет, магистр, – я снова сдержанно поклонилась и вышла.

Лишь закрыв за собой дверь, я позволила себе шумно выдохнуть и расслабить спину. Напряжение, словно невидимый штырь, прошло тело насквозь. Я чувствовала его каждым миллиметром кожи, ощущала на кончиках подрагивающих пальцев, слышала во взволнованном биении сердца.

Не попалась...

Осознание случившегося проникало в меня медленно. Просачивалось сквозь панцирь страха и неверия, отвоевывая место у роя сомнений. Губы медленно растянулись в улыбке. Сначала робкой, но с каждой секундой все более уверенной.

Не попалась.

Воздух стал казаться упоительно сладким. Душа пела, словно радующаяся солнцу птаха. И все во мне отзывалось ее пению, уносилось на волнах незнакомой мелодии. Незнакомой, но уже любимой.

Не попалась!

Оглядевшись и убедившись, что коридор пуст, я запрокинула голову и крутанулась вокруг себя. Мои руки – крылья. Взмахни я ими, и они унесут меня отсюда далеко-далеко. Дальше академии, дальше поместья Мак-Моров, дальше самой Лунной империи.

На несколько секунд я замерла, наслаждаясь ощущением легкости. Потом вернула на лицо маску воспитанной сдержанности, оправила платье и, послав мысленный приказ Путеводному свету, зашагала к библиотеке.

Нет, я не собиралась следовать совету Торна. Границы Лунной империи я выучила еще в восемь лет – когда осознала, что бегство в Солнечное царство станет для меня единственным спасением. Сейчас меня интересуют олеандровые ящерицы. Я хочу узнать об особенностях их содержания, кормления – обо всем. Пусть моя нежданная соседка по комнате оказалась разумной, но не стоит мучить нас обеих моим невежеством.

Библиотека, как и большинство помещений общего пользования, располагалась в Корпусе Ораха. Шагнув сквозь огромные, украшенные растительным орнаментом двери, я остановилась и огляделась.

На несколько этажей вверх убегали полки с книгами. Они были не прямыми, а закручивались на манер воронки, из-за чего долго смотреть на них оказалось невозможно – голова становилась тяжелой, а к горлу подкатывала тошнота. С потолка на длинных цепях свисали огромные люстры, чей мягкий свет укутывал помещение с такой любовью, словно мать – заснувшего малыша одеялом. Витые лестницы с отполированными перилами казались невесомыми – до того ажурно они выглядели. На столах из темного дерева замерли лампы. В воздухе пахло... светом. Удивительный запах, который едва ли можно описать в полной мере: теплый, располагающий, успокаивающий.

Здесь хотелось остаться. Если не навсегда, то хотя бы еще на один час.

– Первый халцедон в этом году, – раздалось сверху.

Я вскинула голову и уже без страха встретилась взглядом со спускающейся на тяжелых каменных крыльях горгульей. Она улыбалась щербатым ртом и с видимым любопытством меня разглядывала.

– Яркой вам луны, – отозвалась я с почтением, и, судя по довольному всхрапу, горгулье это понравилось.

– И тебе темноты. Зачем пожаловала?

– Мне бы про... ящериц, – в последний момент я проглотила слово «олеандровых».

– Ингредиент или маскара?

– Маскара. Пока думаю, – добавила я, заставляя голос звучать неуверенно.

– И правильно, – одобрила горгулья, поманив меня за собой. – Лучшие маскара – это змеи. Пауки еще неплохи. Можно летучую мышь на крайний случай, хотя с ними мороки не меньше, чем с ящерицами. Но зато и поспокойнее, – добавила она назидательно.

Я послушно шла следом, углубляясь в лабиринт стеллажей. Потом так же безропотно поднялась по лестнице на пол-этажа вверх.

– Отсюда и во?он до того выступления – все по ящерицам. Если надоест и решишь переключиться на пауков, они на два раздела правее. Вроде бы, – горгулья в задумчивости почесала макушку между витых рогов. – Да не, точно! На два раздела правее, – повторила уже уверенно. – Книжки не слюнявить, страницы не рвать, не загибать, не... В общем, ты поняла меня.

Она взлетела выше и выразительно наклонилась так, чтобы смотреть на меня сверху вниз. Я кивнула. Тут с потолка посыпалась едва заметная золотая пыль, и горгулья встрепенулась.

– Новые посетители!

Не прощаясь, она спешно улетела. Я повернулась к полкам.

Информации оказалось много – даже больше, чем я могла представить. Но все же мне без труда удалось отыскать в одном из томов раздел, посвященный олеандровым ящерицам. Спускаться к столам не хотелось. Мне нравилось уединение между этажами на перешейке-балкончике, огражденном резной балюстрадой. Разумеется, то, что я собиралась сделать, не дозволялось ни одной артиэлле... но в Академии Полуночи я сэла. И если уж я приняла на себя все обязанности низкородных, то почему бы не воспользоваться послаблениями, которые даются их манерам?

Решив так, я опустилась на пол, скрестила ноги и углубилась в чтение. Строчки мелькали перед глазами, оставляя слепки на моей памяти. Взгляд скользил по

изображениям олеандровых ящериц, совсем таких же, как моя Эвис.

Моя? Да, моя.

Взяв ответственность за жизнь доверившегося мне существа, я не собираюсь пасовать. Нет, я не соврала, сказав, что не подставляю собственную голову в попытке спасти ее. Но я сделаю все, чтобы этого и не потребовалось.

Снизу раздались приглушенные голоса – судя по всему, горгулья проводила к стеллажам пришедших лернат. Новый поток золотой пыли заставил хранителя библиотеки вновь поспешить ко входу. Девушки остались внизу, я – наверху, с тяжелым томом на коленях.

Тихий разговор лернат звучал словно бегущий со склона ручей – живо и быстро. Я не вслушивалась. Точнее, не вслушивалась лишь до тех пор, пока не услышала:

– Хэйден Морроубран? Тебе что, свет разум выжег?

Отложив увесистый фолиант в сторону, я едва ли не ползком подобралась к балюстраде и осторожно, стараясь не выдать собственного присутствия, глянула вниз. Там стояли три сапфировые лернаты. Статные, ухоженные; даже отсюда видно – артиэллы.

– Ты не сделаешь этого, Ламия!

– Уже сделала! – гордо отозвалась девушка, стоящая напротив двух других.

– Что? Но как? Это же Морроубран! Он не попадет так глупо.

– Я нашла способ, – хмыкнула сапфира, откидывая за спину собранные лентой темно-русые волосы. – Достаточно припугнуть мэлу из рабочих, что меняют нам постель, и наволочка нефрита окажется вымочена в нужном зелье.

– Не может быть! – качнула головой другая девушка. – Мэлы не смеют вредить лернатам и...

– А это и не вред, – возразила Ламия. – К тому же влиять на самих мэл запрета нет. Я не нарушила устав, так что даже если эта история всплывет, мне ничего не будет.

– И что теперь?

– Теперь осталось самое сладкое, – пухлые губы сапфиры растянулись в предвкушении. – Сегодня к обеду зелье должно подействовать. Поцелуй привяжет Хэйдена к той темной, что коснется его губ своими. И ею стану я. Вот увидите, к исходу дня наследник закрытого северного рода подарит мне свое сердце.

Тихо, почти не дыша, я отползла обратно к стеллажам. Прислонилась к ним спиной и запрокинула голову.

Проклятье!

По обрывкам услышанного нетрудно понять, что именно использовала Ламия – зелье лунного сердца. Оно единственное способно накапливать эффект, воздействуя на жертву через ткани. Но Полуночная Матерь свидетель, лучше бы Ламия прибегла к любому другому привороту!

Лунное сердце коварно – отличить рождаемые им чувства от настоящих практически невозможно. Однако главная опасность кроется в самой природе этих чувств. Наведенные, они не могут существовать без подпитки и постепенно начинают поглощать истинные эмоции. Замещать их, пока не вытеснят, словно птенцы кукушки – лежащие в гнезде яйца.

Если Ламия доведет начатое до конца, у Хэйдена останется всего два варианта: либо позволить лунному сердцу заменить настоящее и со временем превратиться в раба собственных чувств, либо провести долгий и болезненный обряд очищения. Но и после него часть сердца Хэйдена навсегда изменится – покроется невидимыми рывинами, станет похожим на луну.

Пусть северянин был со мной груб, пусть я не понимаю мотивов его поступков, но он помог. Причем помог, ничего не требуя взамен. Теперь мой черед протянуть ему руку помощи.

Поднявшись, я вернула книгу на место. Тихо, стараясь двигаться на цыпочках, прокралась к другой лестнице, спустилась и покинула библиотеку. Но куда теперь? Прошлый опыт поисков Хэйдена был далеко не успешным, а новых идей за это время не возникло. Точнее, я даже не думала, что они могут понадобиться.

Взывать к Мойре бесполезно, идти на этаж к нефритам – опасно. Не смеют халцедоны соваться к истинным темным. Расписание каждому выдается вместе с лунным камнем в первый день прибытия в академию. Казалось, кто-то сознательно лишил нас возможности встретиться. Но только сдаваться я не собираюсь.

Ламия говорила, что в полную силу зелье войдет к обеду. Значит, и сама она поцелует Хэйдена где-то в это время. Подкараулить северянина на подходах к трапезной несложно, причем как Ламии, так и мне. И этим я собираюсь воспользоваться. А за оставшиеся часы надо приготовить блокиратор четвертого уровня. Слабый, он не остановит действия зелья, но собьет его в достаточной мере, чтобы после проведения обряда очищения Хэйденом смог избавиться от навязанного чувства без последствий.

Мысли еще только выстраивали правильный порядок действий, а Путеводный свет уже вел меня к лабораториям. Эхо моих шагов звучало быстро, взволнованно. Пальцы, придерживающие юбку, дрожали.

Лестницы, коридоры, переходы, большой подземный зал, три ответвления и снова переходы. Наконец Путеводный свет затих, оставляя меня перед узкой дверью с витиеватой кованой отделкой. По ту сторону нашлось небольшое помещение с шестью столами. На каждом – котелок, темный от времени, пяток колб и пара лотков. У дальней стены – стеллаж с ящиками и жестяными банками.

Не тратя времени, я двинулась к ним. По дороге схватила плетеную чашу и принялась скидывать в нее ингредиенты. Четыре пальца болотной жабы, щепоть дайрийского пепла, иглы остролиста, шерсть черного пса, молодые стручки бамии, двенадцать сушеных сколопендр, ягоды бузины, три пера голубой сойки. Я не испытывала ни сомнений, ни неприязни, выхватывая из банок составляющие зелья. Сейчас единственно важным осталось желание приготовить блокиратор.

Хватило одного удара кремния, чтобы высечь искру и зажечь пламя под котелком. Пока вода закипала, я принялась перетирать сколопендр со стручками и жабьими пальцами.

Шесть поворотов серебряной ложкой по часовой стрелке, десять против. Направить поток ведьминой силы и изменить цвет огня с красного на синий. Добавить ягоды бузины, щепоть дайрийского пепла и три иглы остролиста...

Мысли летели так быстро, что я едва успевала осознавать их. Но руки работали медленно, выверенно. Каждый ингредиент должен быть тщательно отмерен и подготовлен – даже малейший просчет сделает зелье непригодным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ria_yuliya/akademiya-polunochi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)